

Людмила
НИКОЛАЕВА

«Мы смеемся сквозь слезы»

* * *

Раздвину шторы, распахну окно
И улыбнусь весеннему приволью.
Такое утро я ждала давно —
Согретое надеждой и любовью.

Вовсю скворец на яблоне поет.
В окно струится терпкая прохлада.
Того гляди, что скоро зацветет
Навеки в землю вросшая ограда.

Пой, скворушка, о счастье песню пой,
Чтоб люди повторить ее просили.
Нет города светлей, чем город мой,
И нет земли прекраснее России.

* * *

Серебряные гвоздики дождя
Прибили пыль, все вдруг переиначив,
Мы радуемся этому. Хотя
Насквозь промокли по дороге к даче.

О, как приятно завернуться в плед,
Согреться и побаловаться чаем.
Душа полна любви в такой момент.
Твой нежный взгляд, надеюсь, не случаен...

Погода разыгралась не шутя.
Колышется от ветра занавеска.
Серебряные гвоздики дождя
Стучат в окно, чтоб мир отмыть до блеска.

Странный зверь

Очень рада баба Ньюша:
К ней приехала Надюша.
Вместе с солнышком встает,
Молоко парное пьет,
Кушает оладушки —
Хорошо у бабушки.

Вышла Надя на крылечко,
Ест горох, а к ней овечка.
Что за чудо? Что за зверь?
Может, спрятаться за дверь?
Вдруг он злее злой овчарки?
Нет такого в зоопарке...

Прибежала баба Ньюша:
«Что с тобой, моя Надюша?»
Надя всхлипывает: «Ох!
Шуба съела весь горох!»

* * *

Ребенок плачет за стеной
С таким отчаянным стараньем,
А мама ласково: «Не ной!
Ну что за божье наказание!

Глянь в книжку: дядя на коне
Сидит красиво и небрежно...»
Ах, если бы поплакать мне,
Как этот мальчик, безутешно!

Но кто поймет меня сейчас?
Кто чутким сердцем отзовется?
И плачет мальчик «про запас» —
Во взрослой жизни не придется.

ОПТИМИСТЫ

Мы смеемся сквозь слезы,
но все же смеемся.
Нас к земле пригибают,
но мы не сдаемся.
Задыхаемся в зной, коченеем от стужи.
Повторяем упрямо: «Бывает и хуже».
Оптимизм, может быть,
и нелепая штука.
Но для нытиков это —
по жизни наука.
Что хорошего — сдаться и броситься вниз?
Как бы ни было худо — живи и борись.
Если все же получится
горький итог,
будет право заметить:
«Я сделал, что мог».

П Р О З А

Юрий БОРОДКИН

Родился в 1937 году в Нижнем Новгороде. Детские и школьные годы прошли в деревне Афонино Парфеньевского района Костромской области. После окончания Литературного института работал заведующим редакцией художественной литературы Верхневолжского книжного издательства. Автор ряда сборников повестей и рассказов о деревне, а также романов «Кологривский волок» и «Поклонись роднику». Роман «Кологривский волок» был отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР. Основная тема творчества Юрия Бородкина — судьбы земляков, обыкновенных людей — землепашцев, плотников, кузнецов. Более двадцати лет возглавлял ярославскую писательскую организацию. За литературную работу награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 2010 году вышел первый стихотворный сборник автора — «Эпилог». Член Союза писателей России. Живет и работает в Ярославле.

Третьего не миновать

Повесть

1.

Полет на вертолете кажется безопасным: медленный, невысокий, одно плохо — грохот такой, что невозможно разговаривать, приходится молча посматривать на плывущую внизу тайгу или лесотундру, замечать, как змейкой проползет по ней река или блеснет очередное озерко: ничего другого здесь нет, потому что нет никаких признаков жилья.

Для Паши Трошина, проработавшего несколько лет вахтовым способом в Северо-Западной Сибири, такие полеты были не в новинку, даже стали чем-то обыденным, как говорится, трясет да везет. Так было и на этот раз, но случилась ужасная катастрофа, какими печально известна авиационная статистика последних лет: вертолет начало болтать из стороны в сторону, сильно затрясло и накренило, последовал гибельный удар о землю. Страшно даже вспоминать об этом. Очухался, ощупал себя, как бы убеждаясь, что руки-ноги целы: от удара заплыл глаз, боль сковывала левый бок и плечо, как потом оказалось, сломал два ребра, повредил ключицу. Поднявшись на ноги, стоял в каком-то тупом недоумении, как оглушенный, с опаской осматривал место крушения в надежде, не очнется ли кто-нибудь еще. Заметил, как пошевелился моторист Костя Смольников, добродушный весельчак, ловко игравший на гитаре. Обрадованно склонился над ним:

— Костя, что с тобой? — спросил умирающего, не зная, чем помочь ему.

Тот что-то прошелестел побелевшими губами и отвел безразличный взгляд, уставившись куда-то в небо. Так и застыл с густо потемневшей на виске и в волосах кровью.

Из девяти человек, находившихся на борту, каким-то чудом остался в живых только он, Паша Трошин, и то покалеченный. Трудно было поверить в гибель всей бригады: еще утром обыденно разговаривали, подшучивали друг над другом, и вот — безжизненные трупы среди обломков вертолета. Едкий запах гари и тишина над роковым местом, такого и в кошмарном сне не привидится. «Боже мой!.. Боже мой!» — испуганно шептал он, вспомнив в ужасную минуту о Боге.

Приближался вечер. Идти куда-то не имело смысла, это означало бы верную смерть. Остаться на месте было жутко, но необходимо. Рядом с погибшими товарищами, в этой глухомани, где на сотни километров нет ни одной живой души, предстояло провести ночь, казавшуюся вечностью. Одно спасение — костерок.

С замиранием сердца прислушивался и вглядывался в темноту, прижимаясь спиной к ели и стараясь не шевелиться. «Хоть бы дерево было потолще», — опасливо думал он, как будто сзади его мог кто-то схватить за плечи. Мертвых бригадников не воскресишь, но, если бы теперь, в ночи, кто-то из них вдруг очнулся и заговорил, Паша похолодел бы от ужаса.

«А что, если меня не найдут? — пугал он себя еще пуще. — Тогда уж лучше бы разбиться вместе с другими, чем медленно подыхать в этой глухомани... Господи, спаси! Господи, помоги!» — бормотал он про себя, боясь оторваться от ненадежно защищающего дерева. Хорошо, что до темноты успел собрать сухарник и теперь экономно подкидывал его в костерок. За его пляшущим огнем все чудилось какое-то угрожающее движение, будто кто-то наблюдал за ним. Не зря сказано, лес видит, а поле слышит.

Совсем некстати вспомнился мрачный анекдот: тот же Костя Смольников рассказывал его. Идет мужик ночью мимо кладбища, смотрит, стоит человек. Этот, второй, спрашивает:

— Что, приятель, боишься покойников?

— Еще бы!

— А чего нас бояться-то? — был ошеломляющий ответ.

Тогда хохотали над черным юмором, теперь было не до смеха. Сердце опустилось, он застыл в неподвижности, когда что-то приглушенно хрустнуло в непроглядной темени. Почему-то боялся не зверя, а неведомой нечистой силы, да и как не бояться, если она неодолима? «Будет ли конец этой ночи? Скоро ли рассветет?» — тоскливо думал он.

Когда развиднелось, поуспокоился, обошел место катастрофы, задержался возле мастера Василия Зыкова, лежавшего ничком, словно не веря, что он погиб: здоров был мужик, говаривал: «Если на столе одна бутылка, то мне тут делать нечего».

Летчик, красивый кудрявый парень, выпал из кабины. Трошин откинул обломок винтовой лопасти — лицо разбито в кровь. На одном из погибших заметил сумочку, какие

носят на поясе, и вдруг его потревожила робкая мысль, которая вчера не могла прийти в голову: «А ведь у них должны быть деньжонки! В любом случае они пропадут: прилетят милиционеры, эмчээсовцы, повывернут карманы... Свидетелей здесь нет», — уговаривал он себя.

Надо сказать, Паша Трошин был обыкновенным мужиком, которого не заподозришь в чем-то неблаговидном, все же сумел устоять перед искушением, хотя и силен нынче бес, приспособившийся соблазнять людей деньгами. «Руки отмыть можно, а совесть не отмоешь», — остерег он себя...

Пережитое останется в памяти на всю жизнь. Ужас катастрофы, кошмарная ночь — это ли не испытания для человека? «Почему же именно меня сохранил Господь, тогда как остальные приняли смерть?» — не раз спрашивал себя Трошин, усматривая в этом везении мистический смысл. В ту роковую ночь многое он передумал и переосмыслил, без сомнений поверив в Бога, и как было не поверить, если некого было призвать на помощь, кроме Его? Решил непременно креститься и исполнил свое намерение.

Специально съездил из города в Сельцо, где под замком стоял родительский дом. В Сельце был знакомый священник, отец Михаил, служивший в здешней церковке в новое время. Он совершил привычный обряд, благо, теперь не надо было ни от кого таиться. Велел прочитать по молитвеннику символ веры, после чего, освящая воду в купели, заметил:

— Взрослых можно и прямо в реке крестить. Святой Владимир крестил киевлян скопом в Днепре, и сам Иисус крестился в Иордане.

Но к реке не пошли, хотя она протекала рядом под горой. Отец Михаил только покропил Пашу водой со словами: «Крещается раб Божий Павел. Во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь». Троекратно обвел со свечами вокруг купели и надел приготовленные крестик и белую рубашку.

— Спасибо, отче, — промолвил Трошин.

— Благодарить надо Отца небесного.

С легким чувством перерождения вышел Трошин на улицу, как будто оставив за порогом паперти все грехи и ошибки прошлого. Разглядывал и поправлял серебряный крестик, веря в его чудодейственную охранительную силу. Встречные сельчане приветливо здоровались, словно разделяя его настроение.

Остановился перед домом, поразглядывал его: небольшой, в три окна по фасаду, но родной и уютный. Еще постоит под хорошей-то крышей, а матери пришлось помучаться при старой драночной, протекавшей в последние годы. И все же славно было приезжать в Сельцо во время отпуска с женой и сыном, который оставался у бабушки на лето. В доме все было обихожено женской рукой, пахло пирогами (больше уже не поешь такой пышной ватрушки или черничника со свежими ягодами).

Для матери самой большой радостью и утешением в ее неудавшейся жизни были его, Пашины, приезды. Из-за своей сломанной судьбы пристрастилась она к выпивке, и три года назад ее похоронили.

Про отца особый сказ, поскольку Паша был пригульным ребенком. Что это означало для него и для матери, знает любой деревенский житель: как будто запятнаны на всю жизнь.

2.

Надо было устраиваться на работу. Образование у Паши не ахти, потому что трудно было деревенскому парню приживаться в городе среди чужих людей.

Есть в городе завокзальная улица со странным названием Вспольинское Поле, где в советское время размещались торговые базы, переоборудованные нынче в магазины различных стройматериалов. В одну из таких торгующих организаций и приняли Пашу по сути грузчиком: привезли рубероид, кровельный лист, древоплиту — надо разгрузить, отпустили что-то покупателю — надо погрузить, а платить нынешние хозяева метят поменьше.

Пошел на завод. Взяли только в литейку. Что это такое, объяснять не надо: пыль, грязь, жара, но хоть заработок приличный. И тут не повезло, потому что на другой же год начались разговоры про кризис и увольнения, вскоре завод вообще приостановил работу.

Ему казалось, город отторгает его. С детства он чувствовал как бы отчужденность от своих сверстников, у которых были благополучные семьи, и теперь в нем сохранилась какая-то настороженность по отношению к людям, иногда доходящая до скрытой враждебности к ним: вы модно одеваетесь, ездите в дорогих машинах, зато я презираю вас. Средств для установления справедливости у него не было, даже выпивка только угнетала.

Помыкавшись без дела, доложил о своем решении за ужином:

— Поеду в Сельцо, Торопов даст какую-нибудь работу: все-таки дальняя родня он нам.

— Не надоело тебе мотаться туда-сюда? И так доездишь до беды, — упрекнула жена Галя. — Поищи здесь что-нибудь.

— Чего теперь найдешь? Везде — безработные.

— Давай, папа, поживи в деревне: можно будет приехать к тебе в любое время, — не совсем всерьез высказался сын Витя. Он парень уже взрослый, самостоятельный, работает водителем на «Газели». На такой работе надо быть трезвым, он и не тянется к водке — молодец.

— Витя, ты еще не подначивай! — обиделась Галя. — Живем не пойми как: один здесь, другой где-то. Надоело!

— Сельцо — это не Сибирь, всего три часа езды, — уговаривал Паша не столько жену, сколько себя. — Потребуется, наведаюсь домой.

В середине лета, когда деревня так манит к себе, неторопливый местный поезд понес его в родную сторону. Дорога хорошо знакомая, каждый год стучал по ней туда-сюда, особенно, когда жива была мать. Как всегда, ехал в приподнятом настроении, за окном поезда простирались заволжские леса, откосы и опушки радовали густой зеленью, разноцветьем, мелькали таинственные извилистые речки. И, конечно, была надежда, что у себя в селе он всегда найдет поддержку.

От станции пазик катился сначала по асфальту, потом с характерным подвывом по гравийному большаку, и вот оно, спрятанное в лесах Сельцо, с маленькой церковкой, с березами возле нее.

По лесенке поднялся в прохладную избу, где мало что изменилось после матери, только постель была незастлана да пахло отсыревшей печью. Бросив среди избы рюкзак и сумку, сразу затопил печь, и, когда полешки по-настоящему взялись, начали потрескивать, стало как-то охотней находиться в ожившей избе.

Паша Трошин неприхотлив, рос без отца, в армии служил на границе, потом — эти поездки в Сибирь, а здесь — дом родной. Достал из комода будильник, пусть тикает, оживляет тишину. Ожидая, когда накопится тепло, с чувством полной свободы выпил стопку водки и вышел обкосить возле крыльца, и, хоть трава была высока и неподатлива, в охотку помахал косой. Теперь можно было посидеть на лавочке.

Над дровяным навесом, в густой черемухе, попискивали птицы, в заулке, как обычно, садилось солнце, слышно было, как скрипел колодезный ворот. Так было с тех пор, как Трошин помнил себя, и эта обыденность вселяла спокойствие, как будто все главное в жизни уже было пройдено. Но разве возможно такое в сорок пять лет?

Размышления прервал своим появлением Вася Гаврилов, живущий через улицу: приостановился в калитке с торжествующей улыбкой и разведенными руками, словно дождался счастливой встречи с близким родственником. Спецовка на нем линиялая, кепочка мягая, щетинка искрится инеем, пластмассовые тапочки — на босую ногу. Поопустился, а ведь был исправным механизатором, бывало, в районке про него писали. Он лет на десять старше, но для односельчан разница в возрасте не имеет большого значения.

— О-о, кого вижу! С прибытием, Паша! Здравствуй, дорогой!

— Спасибо, Вася!

Хлопнули по рукам, даже приобнялись, потоптались на скошенном в обоюдном душевном порыве.

— Смотрю, дым поднялся из трубы, ну, думаю, значит, Паша явился. Надолго ли?

— Как получится: работу буду просить у Торопова.

— А что, в городе не найти?

— Трудно. Надоело тыкаться куда попало.

— У нас того хуже, совхоз закрылся, все развалилось, — махнул рукой Гаврилов. — Дай сигаретку.

Закурили. Сосед, как бы озадаченно, помаргивал, наморщив под козырьком кепочки лоб.

— Да-а, дела нынче — табак, что ни включишь радио — только и слышишь: кризис, кризис... — заключил он. — Мне, к примеру, непонятно, что это такое? Как работали, так и работайте, нет — останавливают заводы и прочее.

— Чего тут понимать? В зависимость к Америке попали — вот и вся причина. Одно слово — капитализм, — просто объяснил Трошин. — Ладно, Вася, это не нашего ума дело, пойдём-ка лучше примем по стопочке за приезд.

— Кто бы возражал! — прихлопнул в ладони ободрившийся Гаврилов.

Потопали в избу. На столе появилась банка скумбрии и кусок колбасы: много ли надо двум мужикам? С удовольствием звякнули стопками.

— Вот такая наша жизнь, Паша, — продолжал Гаврилов. — Не нужны мы стали государству.

— Это верно. Сам-то где теперь?

— Да так, перебиваюсь шабашками: кому крышу покрою, кому баньку соберу, научился и печки класть. А ведь я технику знал, как свои пять пальцев, — высказал он сожаление. — И трактора, и машины растащили в короткую пору — все прахом пошло. Я считаю, вредительство было. Как же иначе? Смотри, коровник пустой стоит: разве не безобразия?

Трошин с пониманием кивал, он помнил, как Вася Гаврилов добросовестно работал в совхозе, бывало, каждый день в семь утра, хоть часы проверяй, запуская свой трактор, стоявший по ночам возле дома.

— Значит, в Сибири ты после той аварии не бывал?

— Нет. Хватит с меня одного такого предупреждения.

— Однако повезло тебе. Вчуже страшно от того, что ты рассказывал. Я в жизни не летал и не полечу, слава Богу. У нас тоже, считай, тайга: много ли деревень осталось? Все поросло лесом. Не зря Торопов гонит пиломатериалы, он теперь всем тут распоряжается, может быть, и примет тебя, поскольку вы какая-то родня. Я работал у него, да как-то выпимши поругался, назвал его хапугой...

Гаврилов поразглядывал фотоснимки в рамке на простенке, принялся рассуждать:

— Тетя Нюра как живая! Это она под окнами снималась. У нас с ней всегда было уважение, ты сам знаешь. Привезу сено или дрова, поставит, конечно, бутылку и сама со мной выпьет, а денег с нее никогда не брал... А это — дедушка Миша совсем молодой, еще

до фронта, видать, в городе снимался. Нет, на него ты не похож, ты пошел в Кузнецовых, в тебе — больше баткиного, у того, помоложе-то был, тоже волосы немного вились. На днях видел его, вместе ехали в автобусе.

— Постарел, наверно?

— Да не сказать, что сильно. Везет сумку провизии да пачку вошины: улы держит. Дом у него в Будилове — на заглядение, пятистенок. Да ты, наверно, бывал?

— В детстве, по глупости, заходил, — помрачнел Трошин. — У меня, считай, нет отца.

— Конечно, грех на нем на всю жизнь... Ладно, Паша, не будем ворошить старое. Обычай дорогой — выпить по второй!

Быть в соседях — быть в беседах. Потолковали про житье-бытье, проводил Трошин гостя и долго еще сидел в сумерках у крыльца, думал о матери, о своем детстве. Деда, погибшего на войне, он не знал, с благодарностью вспоминалась бабка Сима, немногословная, добрая. Бывало, прибежит он с гуляния весь в снегу, она терпеливо развесит одежду над челом печи и скажет:

— Полезай-ка погрейся.

Хорошо на печке после морозной улицы, не заметишь, как потянет в сон.

Мать могла бы еще пожить, и как славно было бы им сейчас вдвоем! Отец, Кузнецов Иван Федорович, жив, но у него своя семья. Паша с ним не знается, ему даже фамилию записали по матери.

В кармане зазвенел телефон, звонил Витя:

— Привет, пап! Ты чего? Обещал позвонить, как доедешь, и помалкиваешь. Деньги экономишь?

— Да нет, просто не успел.

— Как доехал?

— Нормально. Протопил печку, сижу у крыльца. Красота! — с оптимизмом ответил Трошин.

— Представляю... А я только с работы пришел, ездил в Иваново, и вот звоню. От мамы тебе привет.

— Все у меня в порядке, не беспокойтесь.

«В самом деле, не где-нибудь нахожусь, а в родном Сельце, в своем доме», — согласился с собой Трошин, глядя на успокаивающий разлив зари.

Не хотелось уходить с улицы. Вот уж и луна выкатилась из-за крыши соседнего дома, как будто любопытно ей было увидеть Пашу, сидящего на лавочке, и она его заинтересовала, подумалось: «Почему она так блестит? Ведь, говорят, там пыль какая-то, сухие впадины, одним словом, все серое, землистое».

Любил он эти вечерние часы, когда, покуривая под хмельком, можно поразмышлять, вспомнить прошлую сельскую жизнь, своих одногодков. Все далекое в такие минуты как бы приближается, томит душу грустью невозвратности.

3.

Первым делом побывал на могилах бабки Симы и матери. Кладбище уютное, не где-нибудь на отшибе, а за алтарем церкви, под сенью старых берез. Не один век на этом маленьком пятачке хоронят сельцовских жителей, и как-то всем хватает места, хотя это объяснимо: вот в их оградке — только двое Трошиных, остальные могилы потеряны, а не станет его, Паши, и эти сравняются с землей, и во всех семьях так.

Кресты вытесывал и выстругивал сам, не больно красиво получилось, но крепко, а вот оградка подгнила и расшаталась, давно собирался соорудить новую. Постоял, глядя в задумчивости на кресты, произнес тихим голосом:

— Вы уж на меня не обижайтесь, будет у вас хорошая оградка: запасу штакетника и сделаю.

А пока привычно выгреб опавшие листья. Никто не прошел мимо, никто не окликнул его, не нарушил его отрешенности, только окна алтаря светились и днем, там была своя, непонятная Паше Трошину жизнь...

Нет теперь в Сельце совхоза, но есть предприниматель — лесоторговец Торопов Николай Андреевич. Он мог бы жить в райцентре, а обосновался здесь, где родился и вырос: сгрозил себе двухэтажный особняк из отборной сосны с башенкой наверху, откуда хорошо обозревать окрестности. Подойдешь к такому дому и сразу почувствуешь себя маленьким человеком.

В дом идти не требовалось, Трошин явился к хозяину в бывшую совхозную контору. Получилось удачно, Торопов был в настроении, руку подал как будто приятелю, поспрашивал про вертолетную аварию и на просьбу ответил определенно:

— Понятно, Паша... Надо выручать земляков... — Не договорив, принялся объяснять по мобильнику какому-то клиенту: — Доска интересуется? Тридцать пять и двадцать пять миллиметров, тоньше нет. Если у вас кругляк свой, привозите — распилим без проблем... Дороже того, что стоит, не возьмем...

Немногим старше он Паши, а приобрел брюшко, и лысинка проглядывает. Еще бы! Ему приходится кумекать что к чему, не то что простым мужикам. Побывал в районе каким-то начальником, а как началась эта перетряска, сообразил, что лучше заняться предпринимательством.

— Значит, так, — вернулся он к начатому разговору, — в лесу у меня всегда есть работа, но ты, насколько я понимаю, туда не рвешься. Шоферских прав у тебя нет?

— Нет.

— Пойдешь складировать готовый пиломатериал, грузить его, когда подойдет машина. Заработок большой не обещаю, тысяч десять — по деревне сойдет...

Недельку отдохнул Трошин, поудил рыбку в Вочеме да принялся за работу. В бригаде их четверо, за старшего (он и возрастом старший) Иван Шубняков. Дело не хитрое: необрезные доски подтягиваются на рельсовых тележках, сам Шубняков подает их под дисковую пилу, а напарник Федор Горохов протягивает дальше. Паша Трошин с Сашкой Забелиным штабелюют доски и бруски на подклады. Плохо, что пила звенит, хоть затыкай уши, зато, когда ее выключат да выйдут покурить на солнечном пригреве, наступает тишина. От досок, на которых сидят, пряно пахнет смолкой. Тут уж можно поболтать о том, о сем.

Что у мужиков на уме, когда сойдутся в минуту отдыха? Первым делом — выпивка.

— Эх, братцы, сейчас бы взять бутылек! — мечтательно вздыхает Горохов. С виду он не ахти здоровяк, щупловатый, остроносый, да и годков порядочно, но до выпивки охоч. Сведя две глубоких морщинки на переносице, все время прищуривается и напряженно помаргивает, будто решает какую-то трудную задачу.

— Вон новый какой толковый! Будет получка в пятницу, тогда и сообразим, — рассудил Шубняков.

— Это почти неделю ждать, а без поливки и капуста сохнет.

— Э-хе-хе! Сравнился!

— А чего? Гоните монету — сгоняю, — вызвался Сашка.

— По любому тебе бежать, ты самый молодой...

Позабавили себя только разговором, а деньжонок не собрали. Внимание привлекла проехавшая машина хозяйского сынка Славки.

— Хм, парню двадцать один год, а он без дела болтается, на машине разъезжает, — покачал головой Шубняков.

— Чего ему? Катается в свое удовольствие, коли папа позволяет.

- Все-таки осудительно быть захребетником.
- И в армию не ходил.
- Ну, какая тут армия?! Наверно, батька откупился.
- Говорят, Нинку Колесову он обманул, а жениться собирается на какой-то из города.
- Хорош хлюст!..

В поле зрения созерцающих критиков попадает другой объект: под горку к реке, ведя за руку девочку, спускается дачница Ольга, приехавшая к родне. Мужики знают ее имя, а большее и знать ни к чему. Несмотря на молодость, успела располнеть, так что тесно ей даже в легком сарафане. Плечи круглые, по шее стекают витые струйки золотистых волос, ноги крепкие, розовые, словом, женщина притягательная и при этом статная. Походка у нее важная: каждый шаг, будто подарок, грудь несет высоко, с достоинством.

— Идет, как баржа плывет, — восхитился Горохов и попередразнил дачницу. — Что, Саня, поманиват?

— Самого тебя поманивает.

— Не, эта не по мне, пожалуй, не справлюсь — слишком объемная, к тому же городская дама, а мы люди простые. Вон Паша знает обхождение с городскими, — успел поддеть и Трошина.

Между тем женщина пощупала воду ногой и, раскинув руки, повернулась лицом к солнцу.

— Во, в купальнике-то — полная картина. Саша, тебе бы бинокль теперь в руки.

— Сам-то чего глаза пялишь?

— Так ради интересу: за погляд денег не берут.

На то и перекур, чтобы позабавиться, сидя на штабельке досок. Поодаль слева, вдоль угора, тянется улица, из-за берез проглядывает церковный крест, как бы охраняющий Сельцо, справа широко открывается пойма Вочемы, шагает с удочкой рыбак, девочка копошится на запеске у воды, женщина продолжает загорать... После своего второго рождения Трошин смотрел на все это с особой отрадой, сознавая, что мог больше никогда не побывать в своем Сельце.

— Ладно, ребята, не наша еда виноград, — заключил Шубняков. — Кончай перекур! Снова зазвенела пила, и голоса потерялись в этом прерывистом звоне.

4.

Летом в деревне — благодать, дни длинные, теплые. Вечерком Паша сбежит к реке, поставит пяток жерлиц, смотришь, утром снимет щучку: вот тебе и пропитание на целый день.

На ягоды приезжала Галя, потом пошли грибы — любимая пора здешних жителей. Он тоже не отставал от других, как только выпадет свободное время, корзину в руки и — в бор за реку. Да еще недельку гостил Витя, вдвоем-то было охотно ходить по грибы. В осеннем лесу царит сдержанный, мягкий свет, безмолвие; бродишь среди этой тишины и забываешь обо всем на свете.

Вечером дома тоже приятное занятие — разбирать грибы, нанизывать белые на сушильные спицы, ставить их в печку: запах в избе после этого неповторимый. Трошин был приспособлен к деревенской жизни, груздей насолил не хуже любой хозяйки и даже отвез ведро в город, да еще — корзинку клюквы, ею сельцовские всегда запасаются. Жена смягчилась, когда подал заработанные деньжата.

Глубокая осень — самое скучное время что в городе, что в деревне, но тут у Паши Трошина появился другой интерес. Ехал из райцентра в свое Сельцо, вошел в автобус — Татьяна Марышева улыбается, хлопает ладонью по незанятому сиденью, дескать, садись.

Неторопливо поплыли по раскисшей дороге: мотор подвывает, пассажиры толкуют про всякую всячину, а у них с Татьяной свой разговор.

— Привет, Паша! Чего-то накупил?

— Да так... продовольствие.

— Ну-ну, ты ведь теперь на самообслуживании, — подшутила Татьяна.

Конечно, изменилась она с тех пор, как гулял с ней после армии, но по-прежнему из-под бежевой вязаной шапочки на левый висок выпадала прядка русых волос, а в глубине карих глаз таились игривые огоньки. Давно разошлись их пути, давно смирились они с этим, если так распорядилась судьба.

— Себя накормить — не проблема, — сдержанно ответил Трошин.

— А я зимние сапожки купила Иринке, ей надо одеваться поприличней.

— В редакции работает?

— Ага. Она еще в школе заметки писала, вот ее и взяли в районку.

— Молодец! — одобрил Трошин, удивляясь тому, как девчонка, которая росла вместе с его Витькой, приезжавшим на лето к бабушке, столь скоро повзрослела да еще нашла такую серьезную работу.

— Вот, смотри, какие! — Татьяна достала из пакета сапог. Трошин повертел его в руках, для чего-то расстегнул и застегнул молнию, продолжая думать о прошедшей молодости, о том, что они с Татьяной могли быть мужем и женой и тогда весь жизненный план исполнится бы совсем иначе.

— Скоро у нее день рождения — хороший подарок, правда?

Трошин кивнул, хотя сапожки никак не интересовали его, и вообще разговор был обыденным, какой бывает между людьми, ничем не обязанными друг другу.

— Значит, перестал ты летать в Сибирь, — не то спросила, не то просто отметила Татьяна.

— Пожалуй, перестанешь, если хочешь жить.

— И надолго ли в селе?

— Пока не знаю.

— Я иду другой раз, смотрю, свет у тебя в окнах: как-то непривычно.

— Зашла бы, — тихо сказал он.

— Какой ты простой! — Татьяна весело взглянула на него и повернулась к окну, как будто можно было что-то разглядеть в осенней темени.

От автобуса шли вместе. Не доходя до Татьяниного дома, остановились на минуту. Паша взял ее за руку, Татьяна остановила его:

— Паша, в селе везде — глаза. Твоя Галина далеко, а мой рядом, вон — свет в окнах.

— Вспомнил, как провожались мы с тобой.

— И мне вспомнилось, да что уж теперь... Иди, а то начнется брехня по селу. — И сама первая направилась к дому.

Этой ночью Трошин побеспокоенно вставал курить, задумчиво сидел на табуретке на кухне, вспоминал молодые годы, когда жизнь могла пойти по другому сюжету.

5.

После армии Паша Трошин остался в городе, приняли в бригаду ремонтников пути трамвайного управления: работенка не из легких, но по молодости сила была не растратчена, а главное, дали место в общежитии. И деньжата появились, в отпуск приехал в костюме, матери привез шерстяную кофту, одним словом, немного прибарахлился. Даже

мотоцикл купил по дешевке, катал на нем Таньку Веселову... Ничего подобного в жизни больше не повторится. Останутся где-нибудь на высоком берегу Вочемы и стоят, утаившись от всех, глядя друг другу в глаза. Танька, такая гибкая, жаркая, прильнет к нему, запрокинув голову, дыхание прервется в неуголимом поцелуе, голова кругом идет, сердце выпрыгнуть хочет... Но никакого баловства она не допускала, и у него намерения были серьезные.

Потом, отталкивая фарой темноту, с ветерком возвращались в село и опять, как замороженные, стояли возле крыльца, бывало, что забудутся, а уже утренняя заря начнет заниматься. В школе не очень обращал на нее внимание, а тут лишила покоя.

— Когда теперь приедешь? — спрашивала Танька.

— Как только дадут отпуск... Обожди, устройсь получше и увезу тебя в город, — обещал Паша, не очень надеясь на такое устройство, но было в этом обещании обнадеживающее утешение для них обоих.

Реальная жизнь оказалась прозаичней мечтательных порывов: суженая нашлась не в родном Сельце, а в городе. Галя тоже работала в трамвайном депо и жила в том же общежитии, где и познакомились на праздновании Нового года. Сначала попереглядывались. Паше приятно было ощущать на себе взгляд ее серых глаз с изучающим прищурцем. Потом пошли танцевать. Галя посмеивалась над его неумелостью, а он только раззадорился в своем ухаживании. Стали встречаться едва не каждый день, и дело скоро закончилось регистрацией в загсе.

Теперь они имели право претендовать на отдельное жилье и добились получения однокомнатной квартиры, в которой живут до сих пор, а при нынешней власти ни о чем ином и мечтать не приходится. Слава богу, родительская изба сохранилась, где можно отдохнуть душой.

Помнится, как он явился в Сельцо после женитьбы: Галя несла полугодовалого Витьку, он — сумки. Казалось, все односельчане смотрят и осуждают его. Стыдно было перед Татьяной, обещал взять в город, а привез оттуда жену, да еще с ребенком на руках.

Татьяна не упрекала его: встретятся, поздороваются, для приличия перекинутся парой слов, как будто между ними ничего и не было. Осенью и сама вышла замуж за Володю Марышева, не столько по любви, сколько с досады на Пашу. Так и разошлись их дорожки, будто на расстани.

Может быть, и не прогадала она, потому что Володя — мужик серьезный, вином шибко не балуется, работающий, из Сельца никуда не порывался: по нынешним неустойчивым временам так-то жить оказалось надежней.

Обо всем этом потревоженно передумал Паша, придя домой. Чтобы отвлечься, включил старенький черно-белый телевизор, но ничего интересного не нашел, сидел просто так, привалившись к столу, размышляя о том, что Татьяна могла быть хозяйкой в этой избе, но много воды утекло с тех пор, как они были молодыми; из стройной гибкой девчонки Татьяна превратилась в полномерную привлекательную женщину, взгляд ее живых карих глаз как-то смягчился. Да и сам Паша изменился. Уже сединка вкралась в волосы после той жуткой ночи в тайге. Посмотрел на свой снимок на простенке: это он фотографировался в новом костюме перед женитьбой, крепкий был парень, волосы плотной шапкой, кажутся не темно-русыми, а черными. Все это осталось как будто в чьей-то другой жизни.

«Повезло Володе Марышеву», — не без зависти и даже с неприязнью молвил он про себя, как если бы тот обокрал его. Кого было винить в этом, кроме самого себя?

6.

Осень в Сельце. С верховьев Вочемы, с северной стороны, потянуло холодом, стало прихватывать инеем землю, на лужицах заблестел тонким стеклом ледок. Ни на рыбалку,

ни в лес не поманивает; самое милое дело, придя с работы, затопить маленькую печку и сидеть возле нее на низенькой скамеечке, глядя на успокоительный огонь. От плиты, от железных рукавов скоро набирается желанное тепло. Торопиться некуда. Особых дел по дому нет, вечера темные, ночи длинные...

Вот слышались шаги на крыльце, тихонько хлопнула дверь, шаги по лестнице. Порог переступила Татьяна. Принарядилась в бордовую куртку, на ногах — кожаные сапожки, улыбается с каким-то смелым торжеством: дескать, не ожидал такого явления!

— Не запираешься в такую-то темень?

— А чего особенного у меня взять? Сейчас закрою.

Он поднялся со скамеечки.

— Не надо, я заперла. Ты ведь приглашал, вот я и пришла.

— Проходи, проходи, чай будем пить.

Татьяна задернула поплотней занавески, заглянула к нему на кухню:

— Господи, чего у тебя на столе понаставлено!

— Так ведь кухня... А мы посидим в передней. Можно выпить, если не возражаешь.

— Давай за нашу запоздалую встречу, — ободряя себя улыбкой, согласилась Татьяна.

Пили чай, сидя рядышком, глаза в глаза, наслаждаясь близостью друг друга. Вспоминалась Паше порывистая Танька Веселова, а перед ним была как бы другая женщина, с другой фамилией. Ему нравилось, как она привычно поправляла прядку волос у виска. Разумянилась, расстегнула кофточку:

— Тепло у тебя.

— Печка топится. Вообще у нас изба теплая.

— Я бывала у тети Нюры, она уж снохой меня называла, — легко, словно шутку, вспомнила Татьяна, а для Трошина ее слова прозвучали укором: сколько лет прошло, и все равно он чувствует себя виноватым перед ней. Однако оправдываться не имело смысла. Побарабанил пальцами по столу и произнес:

— Мама говаривала, прожитое — что пролитое.

— Это верно. Удивляешься, что пришла? Сегодня у меня свободный вечер: Иринка обещалась завтра, а Володя уехал в город.

— Я знаю, мы грузили его машину.

Володя Марышев работает на КамАЗе с прицепом, возит пиломатериалы на продажу.

— Смелая ты, — добавил Трошин, взяв Татьяну за руку.

— И ты, кажется, не был робким, — с улыбкой молвила она. — Пашь, давай уедем куда-нибудь...

— Ты серьезно?

— Нет, конечно, — согласилась Татьяна. — Я так, пошутила...

Тепло, уютно было в этот осенний вечер. Поднялись из-за стола и долго стояли в обнимку, как когда-то в молодости. Щелкнул выключатель света, только красновато отражались на переборке печные угли. Им казалось, что темная ночь надежно укроет их грех, но разве бывают в селе тайны?

7.

Стал Паша Трошин похаживать к Татьяне, выжидая редкие моменты, когда Володя отлучится в дальний рейс, а то и она наведывалась к нему. Казалось, все шито-крыто, благо зимой рано темнеет и поздно светает.

Однажды, придя на работу, задумчиво курил на штабельке досок. Проходивший мимо Иван Шубняков как бы между прочим обронил:

— Что, Паша, тяжело после ночной-то смены? Хе-хе!

Красноречиво так хохотнул. Трошин пристыженно насторожился, ничего не ответив. «Откуда ему известно? Не сам же выслеживал за мной, значит, кто-то поделился новостью. Кто?» — озаботился он.

Не удалось избежать молвы. Привыкнув обсуждать сельские новости, бабы судачили возле магазина:

— Вчера иду — у Марышевых ругань в дому.

— Об чем?

— Кто знает? Больше Володя выкрикивал, не шибко разберешь. Останавливаться неудобно.

— Чего знать-то? Шашни у Таньки с Трошиным. Володя бывает в отъезде, а кот из дому — мыши в пляс.

— Пожалуй, что так. Он еще после армии ухаживал за ней.

— Понятно, мужик сам по себе живет: воля кого угодно портит.

— Я бы на месте Галины не отпустила его.

— А в Сибирь-то он ездил, лучше, что ли?

— Ну, то пес знает где, а то в своем селе.

— Да что про мужика говорить? Я так Татьяну осуждаю: дело ли при живом муже хвостом крутить?..

Пришлось столкнуться с Володей. Как-то во время погрузки он остановил Трошина за машиной, где их не могли слышать при стуке дизеля, и предупредил:

— Если застану тебя с Татьяной, пеняй на себя.

— Уж больно ты грозен! — чувствуя свое превосходство в силе, ответил Паша.

Володю аж трясло от негодования, в глазах, в сжатых до побеления кулаках было столько решимости, что, казалось, вот-вот кинется в драку, но, слава Богу, обошлось без нее, только повторил угрозу гневным прерывистым голосом:

— Я свое сказал, а ты думай... Будь уверен, найду способ сквитаться с тобой, если даже сяду в тюрьму.

— Пошел ты куда подальше! — с раздражением оборвал Трошин и, едва сдерживая себя, чтобы не оттолкнуть Володю в снег, прошагал мимо.

«Угрожает хмырь! Да я тебя размажу! — горячился он. — Хорошо, что никто не слышал нас». Но что можно было доказать кулаками, если ты не прав, виноват, грешен?..

Донесли вести и до жены. В один отнюдь непрекрасный день — Паша только пришел пообедать, глянул в окно — к дому шагает часто, будто торопится куда-то Галя. Радость плеснулась и тотчас погасла, уступив место тревожному предчувствию: «Чего это она? Вроде бы не собиралась». Замер, будто в ожидании удара.

Жена вошла и сразу — в переднюю.

— Здравствуй! — сухо поздоровалась она, не назвав его по имени.

— Здравствуй! — так же коротко ответил он. — Ты как-то неожиданно...

— Это не имеет значения.

Прижалась плечом к косяку и стоит, упорно-выжидательно глядя на него. В эту минуту жена показалась Паше маленькой, беззащитной, хотелось обнять и утешить ее.

— Чего не раздеваешься?

— Приехала посмотреть в твои бесстыжие глаза, — сразу ударила Галя.

— Что ты?..

— Я-то ничего, а вот ты... — Галя не нашла нужного слова, достала из сумки листок бумаги и с гневом припечатала его к столу. — Читай!

«Галя, пишу тебе, потому что хочу предупредить, что твой Павел завел шашни с Танькой Марышевой. Об этом знает все село...» — прочитал Паша, чувствуя жар в голове. Подписи под письмом не было, значит — анонимка: нашлась какая-то «доброжелательница».

— Что скажешь на это? — припирала к стенке жена.

— Ну, гуляли мы с ней в молодости, на том все и кончилось, ты это знаешь. Что теперь, не встретиться, не поговорить? — попытался защититься Паша.

— Ты мне мозги не пудри! Уж если человек письмо прислал, значит, далеко зашло.

— Не слушай всякую брехню...

— Дыма без огня не бывает. Нам с тобой больше не о чем разговаривать, — заключила Галя, взяв листок со стола. — Оставайся здесь, я тебя на порог не пущу: завтра же врежу новый замок. А сейчас пойду к этой стерве!

— Галя!

— Была Галя, — дрогнувшим от обиды голосом ответила она.

Стукнула дверь. Проскрипели лестничные ступени. Паша, пристыженный, подавленный, замер у окна, провожая тоскливым взглядом жену, словно попрощались навеки.

Перепадка с Татьяной, видимо, была недолгой, потому что вскоре Галя прошагала по улице обратно мимо Пашиных окон. Что было делать? Выбежать, остановить ее? Не получится, только выставишь свой позор на все село. «Боже мой! Вот это влип в историю! Теперь стыдно на люди показаться, — сокрушался он, чувствуя себя как бы заточенным в собственном доме. — Какая зараза накатала анонимку? Поди угадай!»

С чувством безнадежности то вышагивал по избе, то останавливался возле окна. Потускнел солнечный день, теснота сдавливала грудь, разом почувствовал усталость, лучше чем после тяжелой работы.

8.

Наконец дождались погожих дней. На пригреве закапало с крыш, в полях слюдянисто отсвечивал снег, отполированный последними метелями, и солнце уже не просто сияло во всю небесную ширь, а прижимало к застуженной земле тепло.

Природа едва очнулась, но уже началось пока ничем не проявленное движение жизни в застывших деревьях, и люди почувствовали какое-то брожение крови, зовущее на улицу, в поле, в лес, поближе к пьянящему своей свежестью воздуху, к солнцу.

Паша любил эту светлую пору в деревне, с первыми признаками весны его всегда тянуло домой, и прежде при каждом удобном случае он стремился в Сельцо, к матери, хотя бы денька на два-три...

Вышел на крыльцо и зажмурился, постоял, привыкая к ослепительной белизне снега. У двора была свалена куча обрезков после распиловки бревен: вчера привезли ребята на тракторе, потому что не хватило ему заготовленных дров. Принялся рубить их на чурбане; такая спорая работа была ему в охотку, разогрелся, скинул фуфайку.

Увлекся, глядь, неторопливо вышагивает по тропке отец, Кузнецов Иван Федорович, мужик крупный, в лисьей шапке с кожаным верхом, черном полушубке, в большущих валенках фабричной катки. Поставил сумку на снег, снял рукавицу:

— Здорово, Паша! Трудимся?

— Да вот, привезли обрезков с пилорамы...

— Это разве дрова? Одна кора, больше дыму будет, чем тепла, — по-хозяйски рассудил Кузнецов.

Паша встряхнул пачку сигарет, отец отказался:

— Не балуюсь этим делом, да и пчелки не любят запахи. Накинь фуфайку-то — остынешь, — позаботился он.

— Нормально, погодка наладилась.

— Да-а, отогреваемся, слава Богу. — Иван Федорович приподнял шапку. — Скоро улы выставят, а то сидим всю зиму, как в берлоге.

Паша дососал сигаретку. Поднялись в избу. Иван Федорович, не мешкая, достал из сумки банку меду, поллитровку и свиное сало. Сел на табуретку к столу, погляделся и вывел сравнение:

- Небольшая у вас избенка против моей-то.
- Нам хватает, семья невелика.
- Узнал, что ты живешь тут, решил проведать. Что не являешься в Будилово?
- Чего я там забыл?
- Чай, не чужие мы с тобой, — посетовал Иван Федорович.
- Что теперь, если жизнь прошла порознь? Ладно, батя, за встречу!

Звякнули стопками, пожевали шпиг. Паша разглядывал отца, стараясь угадать в нем собственные черты, хотя и сам знал, и люди всегда говорили, что он похож больше на мать. Иван Федорович то степенно поглаживал седые, но мало поредевшие волосы, то, подперев сильной пятерней подбородок, задумывался и тоже со вниманием поглядывал на Пашу, словно сомневаясь, что перед ним сидит сын.

— Говорят, тут у тебя неприятности получились? — Иван Федорович неопределенно ткнул большим пальцем за плечо.

— Гм! И до Будилова донеслось! — едко хмыкнул Паша.

— Плохие вести не лежат на месте.

— Приезжала на днях моя, растрезвонила на все село. — Паша недовольно поморщился и торопливо налил по новой, чтобы как-то заглушить совесть.

— Сам виноват, обидел жену... Будь умен, — наставительно заметил Иван Федорович.

— Тебе ли говорить об этом? Мама раньше срока умерла, я вырос безотцовщиной, — не удержался от упрека Паша.

Иван Федорович продолжительно, с какой-то тоскливой болью посмотрел на него, видно было, что тяжело ему снести такой удар, даже желваки задергались. Попытался оправдаться не только перед сыном, но и перед собой:

— Я оступись в молодости, а ты семью имеешь, мужик в серьезных годах. Ну, казни теперь меня, высказывай, имеешь право! Только мне и самому нелегко носить всю жизнь такой грех. Понимаю, что никто мою вину перед Анной и перед тобой с меня не снимет.

Невеселая получалась беседа, да и не рассчитывал на нее Иван Федорович, когда направлялся в Сельцо. Долгое время не виделись, а встретились без какой-либо радости. Что поделаешь? Разбитый горшок не склеишь.

— Ладно, батя, не будем берeditь старое, — примирительно сказал Паша.

— Ты и меня пойми, Павел, один я остался в своем большом доме: Катерину похоронил в прошлом году, дочки обе — в городе. Вот ты все — батя да батя, как будто чужие мы с тобой, — посетовал Иван Федорович.

— Да уж так получается...

И в самом деле Паша почти не знался с отцом, жившим в Будилове другим семейным интересом. Язык не поворачивался назвать его папой. Была и останется обида за униженное детство, за поломанную судьбу матери. Вот сидят они за столом, выпивают, разговаривают, а близости все же нет. Однако делить им нечего, надо как-то поддерживать нормальные отношения.

Словно соглашаясь с его мыслями, смягчив сердце выпивкой, Иван Федорович продолжал:

— Все же побывай как-нибудь в Будилове, я буду рад. У меня много разного инструмента, рыболовных снастей, мотоцикл давно стоит без дела: возьми чего надо. Какой я нынче рыбак или мотоциклист?

Встав из-за стола, Иван Федорович поразглядывал семейные снимки Трошиных, молча повинился перед Анной и, уже надевая полушубок, высказал совет:

— С женой разлад ликвидируй, в ноги ей упади, а помирись. — Не дожидаясь ответа, добавил: — Ладно, пошел я. Не забывай дорогу в Будилово.

Тяжелые шаги по лестнице удалились, бухнула дверь, тихо стало в избе. Паша забывчиво постоял у окна, глядя вслед постаревшему отцу: все же шевельнулось в сердце что-то трогательное. Как ни крути, одна кровь. Поддел ложкой меду, не спеша пробуя его на вкус. Сладкий подарок. Каким памятным счастьем было бы, если бы отец принес эту банку в детстве!..

9.

Март на исходе. Ясные, приветливые выстоялись дни. Кажется, самому солнцу весело в просторной небесной голубизне; даже когда уйдет оно за горизонт, еще долго плавится над лесом широкий огненный закат, и странно видеть в той вечерней стороне, в непотускневшем бирюзовом небе самую яркую звезду всех времен года, свет которой кажется каким-то торжественным и досягаемо близким.

Скворцы еще не прилетели. Первым настраивает свою барабанную дробь пестрый дятел, то ли живущий в Сельце, то ли появляющийся здесь, как вестник весны: бодрое получается начало. Потемнели дороги, пообталяли крыши, зашевелились люди, освобождаясь от зимних одежек.

В такую пору трудно усидеть в избе. Пашу поманивало на реку, закинул за спину приготовленный с вечера рыбацкий ящик, взял под мышку ледобур и пошастал на лыжах к дальнему Круглому омуту: всегда кажется, что, чем потаенней место, тем больше рыбы.

Направился напрямиком через длинное поле. По насту шагалось легко. Иногда останавливался, шурясь на ослепительный снег, прислушивался к тетеревиному бормотанью. Большое, еще нераскаленное солнце катилось сбоку, в лесу оно потерялось, здесь утомляли глаза синие тени и царила глубокая тишина, только слышно было, как поскрипывают ремешки лыж. Под пологом елей и сосен продолжал прятаться неуступчивый морозец, и воздух был по-зимнему резкий.

Не теряя ориентиров, иногда подходил к речным излучкам. На быстринах Вочема освободилась ото льда, а кой-где даже проступили забереги. Узкая промоина вклинилась и в Круглый омут, где уже побывали рыбаки, натоптали тропку по ледовому мостику, сохранившемуся над промоиной. Паша благополучно перешел по нему на противоположную сторону, где оказалось больше насверленных лунок. Опустил в лунки две удочки и стал наблюдать за кивками, сидя на ящике.

Поклевки были редкими, тем не менее кучка плотвиц на льду прибавлялась. Солнце играло вовсю, так что к полудню стало пригревать, хоть скидывай фуфайку. Было удовольствием просто посидеть на любимой реке, а тут еще удалось выудить на жерлицу щучку. Приятное занятие, за которым не замечаешь, как проходит день.

Паша спохватился идти домой, когда было уже часов шесть вечера. Поскольку ледяной мостик через протоку мог ослабнуть на дневном пригреве, на всякий случай сначала перекинул на другую сторону бур и ящик. «Люди тут ходили пешком, а уж на лыжах проскочить проще», — рассудил он.

Увы, проскочить не удалось. Мостик рухнул под ним, Паша соскользнул с лыж назад, в полынью: спасло то, что предусмотрительно отстегнул ремешки креплений. Выбрался грудью на лед, отчаянно ботая ногами, но кромка льда обвалилась под ним. Пришлось повторить попытку, продолжая ботать тяжеленными валенками, боясь неосторожным движением снова обрушить кромку, а еще сковывал страх того, что может затянуть под лед.

Кой-как вскарабкался на берег, с ужасом глядя на черную воду, качающуюся в полынье. Вместе с ней качались лыжи, зацепившиеся носками за противоположный край

льда. Надо было их доставать, потому что без лыж его ждала погибель и на берегу: снег глубокий.

Сломал длинную иву, стал ползком подбираться поближе к лыжам, опасаясь снова рухнуть в воду. Цепляя лыжи за ремешки, слава Богу, выудил их из полыньи. Дрожа от холода, торопливо выжимал одежду, но много ли тепла, если она и валенки мокрые? У фуфайки остались сухими только плечи. Ледобур и ящик с уловом — на домашней стороне, а он сам растерянно топтался на противоположном лесном берегу. Боялся еще раз ступить на лед, поэтому решил идти не к себе в Сельцо, а к поселку лесозаготовителей, до которого было немного ближе.

Отыскал заброшенную дорогу, старательно направился по ней, сознавая, что теперь можно спастись только непрерывным движением, но в мокрой тяжелой одежде, на мокрых лыжах при всем усердии подвигался он медленно. Наст в лесу был совсем слабый, лыжи вязли в снегу. Приходилось спорить с усталостью. «Нельзя останавливаться, нельзя! Только бы добраться до жилья. Господи, помоги мне!» — твердил Паша, замечая, как в лесу густеют ранние сумерки.

Вскоре стемнело, и звезды проклюнулись над просекой. Из-за этой темноты и подстерегла его беда, когда съезжал в овражек: лыжа зацепилась за сучок вылежины, Паша уткнулся в сугроб, и в этот момент отломился носок лыжи. Теперь вовсе была не ходьба, а мучение, сломанная лыжа утыкалась и зарывалась в снег.

Наконец послышался обнадеживающий лай поселковых собак, и все же долгим показался ему оставшийся путь, к тому же стало подмораживать, и фуфайка на нем вскоробилась, начала леденеть снизу. Выбившись из сил, он совсем бросил лыжи, как надоевшую обувь, и побрел напрямую к ближним огням. Перевалялся через какую-то треснувшую под ним изгородь, тотчас встревожились собаки, подбежали люди с фонариком.

10.

Утром, узнав о том, что Паша Трошин не вернулся с рыбалки, встревожилось все Сельцо. Отправились по его лыжному следу и, найдя ящик с ледобуром, посчитали Пашу утонувшим. Только и разговору было про нечаянную беду, мол, что да как могло случиться. Уж собирались известить Галину.

А под вечер невредимого Пашу доставили из поселка на машине, и в окнах его избы привычно зажегся свет. Только не прошли даром купание в ледяной Вочеме и долгая ходьба в мокрой одежде. На другой день поднялась температура: как только окутывался одеялом, бросало в жар, а без него ознобно потрясывало.

После работы зашли Иван Шубняков, Федор Горохов и Сашка Забелин, любопытствовали про его приключения. Конечно, посочувствовали, но тут же, расположившись, как дома, распили бутылку водки, дескать, за спасение и выздоровление. Повеселели, стали подшучивать друг над другом и Пашей. Сашка по привычке завернул байку:

— Встретились два охотника. Один убил двух зайцев, спрашивает другого: «А ты?» «Десять ежиков», — отвечает. «Это зачем?» — «Жене — на воротник, теще — на стельки».

— О-хо-хо! — загоготали, забыв, по какому случаю явились. Даже Паша тихо посмеялся в постели, нисколько не осуждая приятелей.

— Все же везучий ты, Паша, опять спасся, — сказал Федор Горохов, — считай, дважды заново родился. Как говорится, третьего не миновать...

— Тьфу! Тьфу! — остановил его Шубняков. — Постучи по дереву!

Дружно постучали по столу.

— Другому бы ни за что не выбраться из полыньи: только представить себе — фуфайка, валенки, все намокло, тяжеленное, да еще — жуткий холод. Бр-р! Мы уж попрощались с тобой, когда увидели на омуте брошенные вещи: шапки сняли и стоим.

— Долго жить будешь, — добавил Сашка

Надымили куревом полную избу, пожелали выздоровления и ушли, считая, что теперь он под родной крышей, значит, в безопасности.

Поздно вечером навестила Татьяна. Придвинула табуретку к кровати, Потрогала прохладной ладонью Пашин лоб.

— Ой, как тебя разгасило! — Пооткинула одеяло. — Что делать-то? Медичку из Спаса привезти? Она молоденькая, только назначена, мало чего понимает.

— Подожду утра, может быть, полегчает. Не надо было тебе приходиться: не нужны лишние разговоры по селу.

— Я на минутку, по-моему, никто не видел, — успокоила Татьяна.

Навела порядок на столе, напоила Пашу чаем с медом и клюквой.

— Выпей побольше, тебе надо пропотеть. Завтра пришло Давыдиху: чем-нибудь по-может...

Ночь Паша не сомкнул глаз, но, измаявшись, все же забылся на короткое время, и привиделся ему сон, будто стоит он под окнами не зимой, а в жаркий летний день и видит, подходит к нему вахтовый мастер Василий Зыков, в камуфляжной робе, в большущих резиновых сапогах. При этом подумалось: «Неужели не жарко ему?»

— Как поживаешь, Паша? — будто с укором спросил Зыков, мол, все погибли, а ты умудрился уцелеть.

— Здесь, в Сельце, пока. Заходи, посмотришь.

Направились в дом.

— Вы-то как там? — любопытствовал Паша.

— Хорошо у нас. Видишь монастырь? Тут рядом, побывай как-нибудь.

Шли в избу, а оказались опять на улице, где вместо сельской церквухи, как наяву, виднелись золоченые кресты и купола монастыря. И белая-белая ограда вокруг него. Даже во сне Паша засомневался, чтобы такой великолепный монастырь мог находиться у них в Сельце. Зыков между тем уже удалялся в сторону монастыря. Хотелось остановить его, но крикнуть не получалось, мешало какое-то удушье...

Проснулся Паша в поту, с чувством разочарования по исчезнувшему чудесному видению монастыря, но после некоторого размышления это чувство сменилось тревогой, поскольку вспомнилось, что увидеть во сне церковь — к терпению, а самое главное, никто из сибирских бригадников ни разу ему не снился, и вдруг пожаловал Василий Зыков. «Это душа его явилась ко мне, — расшифровал сон Паша. — В какой-то монастырь приглашал, хорошо, что я не пошел за ним».

Нащупал нательный крестик и перекрестился. Оберегает-таки ангел-хранитель: второй раз спасает от смерти. Дернуло же Горохова за язык пророчить, мол, третьего не миновать. Неужели и в самом деле преследует рок? Господь наказывает меня за грехи, скорее всего так... Закрывал глаза и снова видел за белой стеной сияющие купола монастыря, словно в реальности возникшего в конце сельской улицы. Непонятно было, почему такое красивое видение — к терпению?

Так и получилось. Температура не спадала, казалось, сделалось горячо даже в глазах. Он поднялся, побродил по избе в валенках, но от солнечного света в окнах закружилась голова, вернулся в постель.

Обрадовался, когда пришла Давыдиха, которая умела врачевать и людей, и скотину. Иные считали ее колдуньей, только зря, потому что она была обыкновенной знахаркой. Это нынче в любой рекламной газете наперебой предлагают свои услуги разные, якобы потомственные, целители, гадалки, прорицатели и прочие шарлатаны. Для Сельца оказалось достаточно Давыдихи, знающей травки и некоторые наговоры. Конечно, и такое веданье не без греха, но что поделаешь, если одно без другого не бывает?

— Как ты, Павел Иванович? — уважительно повеличала старуха. — Надоть так оплошать! И кто придумал эту зимнюю рыбалку? — ворчала она, внимательно глядя на него. — Куда тебя понесло на Круглый-то омут?

Глаза у Давыдихи какие-то нездешние, когда-то были черными, теперь выцвели, но сохранили пронизательность.

— Не знаю, тетя Шура. Сильно простудился. Я уж зарок дал: больше зимой на реку — ни ногой.

— Раньше никто зимой-то не ловил: есть, что ли, нечего? — Пощупала сухими пальцами руку и лоб, велела повернуться спиной. Принялась втирать какую-то пахучую жидкость. — Пощиплет немного, потому как скипидару добавлено. А грудь понатираешь сам: пузырек оставлю.

Отошла со своей сумкой на кухню. Слышно было, как бормочет там:

— Мать всем травам плакун-трава, помоги рабу божию Павлу... — Вынесла заварной чайник: — Пей этот сбор — хорошо помогает: от земли — трава, а от Бога лекарство.

Принялась заговаривать, стоя возле кровати:

— Ты, злая трясовица, уймись, а не то проклянущу в тар-тарары... Ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами. Немочь и простуда, отвяжись от раба Павла моим крепким словом...

Поверил Паша в бабкины снадобья, натер себя настойкой, напился травяной заварки и несколько успокоился, дожидаясь результата. И все же невозможно было уснуть, лезли в голову, перебивая друг друга, разные мысли: то думал про Татьяну, то повторял свой разговор с женой, то с ужасом вспоминал роковое купание в Вочеме. Могло затянуть под лед и — каюк. Жуть!

Отец Михаил говорил: «Кого Господь любит, тому посылает испытания, и он же дарует спасение».

«За что любить-то меня, если церковь рядом, а я ходил в нее всего один раз и то не мог выстоять службу и ничего не понял в ней? Крестился в сорок пять лет, а что проку-то?» — признавался себе Паша.

Лежал с открытыми глазами. Месяц позаглядывал в окна и то ли скрылся за домом, то ли потускнел перед рассветными сумерками. Вот уж совсем разбрежилось, однако и новый день не сулил ему ничего хорошего, потому что по-прежнему бросало в жар. От Давыдихино лечения не стало легче, нужна была больничная помощь.

Утром, пока сын не ушел на работу, позвонил ему, дескать, договорись с начальством, чтобы разрешили съездить в Сельцо. Оставалось ждать приезда Вити, это было надежнее всего.

11.

Приходил Торопов, предлагал отвезти в райбольницу, Паша отказался, сказав, что ждет сына. Долгим показалось это ожидание.

Витя прибыл во второй половине дня, легко взбежал по лестнице: спортивный мальчик, на полголовы выше отца, в любом деле проявляет мужскую хватку.

— Здорово, пап! Чего случилось?

— Пошел рыбачить на Круглый омут, по глупости провалился в воду, а до дому не вдруг доберешься, сначала побрел в поселок...

— Как чувствуешь себя?

— Скверно, Витя. То в жар, то в озноб кидает, температура...

— Одевайся помаленьку да показывай, что из вещей взять с собой.

— А как мать отнесется к моему приезду?

— Конечно, она в большой обиде на тебя, но не будет же скандалить с больным: выздоровеешь — разберетесь, не мне вас учить, — как серьезный посредник рассудил Витя. — Когда собирался ехать, она наказывала, чтобы мы не забыли все выключить, хорошо запереть дом.

«Понятно, что переживает за мать, держит ее сторону и осуждает меня, только не выказывает этого», — отметил Трошин. Пока одевался, сын складывал в сумки вещи. Обычно кое-что получше припрятывали, на этот раз было не до того. Паша терпеливо сидел в машине, пока сын проверял все в избе, вывертывал электропробки.

Возле машины топтался Вася Гаврилов, он думал, что Трошины задержатся до утра, намеревался поболтать и, может быть, посидеть за столом, теперь же только высказывал сочувствие:

— Да-а, Паша, видишь, как получилось! Где беде быть, там ее не миновать. Не поддавайся хвори, поправляйся, выздоравливай. Чай, в городе медицина поможет. Теперь уж на тепло повернуло, Бог даст, скоро увидимся.

Трошин слушал его рассеянно, только вяло помахал рукой, когда машина тронулась. Вначале притряхивало, а по шоссе покатались ровно. Низкое солнце светило в боковое окно, зажигало снега, так что в глазах возникала резь. В кабине скоро набралось тепло, впору было скинуть куртку.

— Пап, не расстегивайся и шапку не снимай, потерпи, — заботился Витя.

Закрыв глаза, Трошин ехал в полудреме, в таком настроении, как будто попрощался с Сельцом навсегда. Вспомнил, что так и не удосужился поставить новую оградку на могилах бабки и матери. «В лесу живем, на лесопилке работаю, можно было заготовить материал», — стыдил он себя.

Постепенно мысли его обратились к городу. Что ждет его там? Как помириться с Галей? Сказанное сыном несколько обнадеживало, но грех перед ней вряд ли останется прощенным. Было тяжело даже сидеть, хотелось лечь, однако он не жаловался, чтобы не отвлекать сына. «Уж не воспаление ли легких у меня?» — настораживался.

Вот уж свет фар закачался над просекой, позади осталось больше половины пути.

— Хорошо ты вздремнул, — заметил Витя.

— Да я так, только глаза закрыл.

— Ничего, сейчас приедем домой, — подбадривал сын. — Утром отвезу в поликлинику.

— Как дела у вас с Валеями?

— Нормально. Мы больше у них находимся: родители относятся ко мне хорошо.

— Ничего нормального в этом, Витя, нет. Распишитесь, как положено.

— Успеем. Нынче многие так живут.

— Пусть живут, это не пример для тебя. Подумай.

— Ладно, — отнекнулся Витя.

Мотор продолжал убаюкивать. По сторонам дороги стеной тянулся обтаявший ельник, настойчиво прошивали темноту фары, иногда резко вспыхивали встречные, и казалось, дорожной просеке не будет конца.

Утомляла не только болезнь, но и беспокойные мысли. Вроде бы можно считать себя удачливым человеком, поскольку какая-то сила оберегает его, а с другой стороны, преследует роковое невезение. Снова вспомнил обеспокоившие слова Феи Горохова. «Поди угадай, какие опасности подстерегают в жизни, — раздражительно думал он. — Судьбу не выбирают, и, как она распорядится, не дано знать никому».

С верхотинки показались огни города. Как переступить порог квартиры? Как примет Галя? Как посмотреть ей в глаза? Хорошо, что в дом они войдут вместе с Витей. Предстоит тяжелый разговор с покаянием, а еще будет суд совести.

Юлия КОРОБОВА

Юлии Коробовой двадцать лет. Ее человеческая и творческая биография только начинается: после окончания школы в поселке Ишня Ростовского района она поступила на филологический факультет Ярославского государственного педагогического университета. Пишет повести и рассказы. Публикуется впервые.

Третий путь

Эмо-повесть

А про третий путь
Не скажу ни слова.
Он у каждого свой:
Раз и готово...

Литер. «Три пути»

Тебе пятнадцать

«Я передам Игорю, он что-нибудь придумает».

Короткое движение мышкой...

«Ваше сообщение Рите Селиной отправлено».

Надо передохнуть.

Я прикрыла глаза руками. Веки нещадно горели и чесались. Отклонила настольную лампу: так освещены белые стеклопакеты и мокрые ветки дерева, растущего вплотную к дому. Рядом мелькали какие-то тени. Духи ночи? Всего восемь вечера, но так хочется спать. А ведь сегодня пятница, Рита в клуб собралась... Хоть кому-то хорошо.

— Катюша, иди ужинать. Чем ты занята?

— Сейчас, информатику доделаю. Мам, где мои старые очки?

— Где-то новые забыла? Сколько можно... У старых левая дужка болтается. Они в шкафу, на полке с нитками.

Ладно, найду очки после еды. Закапала в правый глаз «визин». Из коридора послышались шаги мамы. Я торопливо свернула окно «Контакта» и выбралась из-за миниатюрного столика. На экране монитора осталась презентация «Молодежные субкультуры. Эмо».

«Сегодня под эмо подразумевают молодежную субкультуру, которая сделала своим кредо проявление эмоций — как положительных, так и отрицательных, вызванных несправедливостью этого мира и несовершенностью бытия. Выражение эмоций — главное правило, определяющее поведение и стиль жизни. Проявление эмоций эти мальчики и девочки считают проявлением того человеческого, что люди почему-то прячут в себе. В отличие от готов, которых чаще привлекают грустные стороны человеческой жизни и смерть, эмо не разгуливают по кладбищам и не мечтают поскорее покинуть этот мир. Главной целью в жизни любого эмо становится поиск понимающего их спутника жизни...»

— Иду, мамуль. Иду-у!

— Не дозовешься, — проворчала мама.

Повернув голову дочери к свету, она заглянула в темно-синие глаза. Радужку оттеняла жутковатая сеточка сосудов, а правый зрачок был намного больше.

— Зоя запретила тебе сидеть за компьютером, если ты помнишь, конечно.

— Конечно... нет. Мам, я учусь вообще-то. Я и не сидела бы...

— Кто вчера в Интернете полночи щелкал?! Катерина, в последний раз предупреждаю: не будешь беречь глаза — продам твой ящик!

— А...

— А домашнюю будешь в школьном компьютерном классе делать! Пойдем есть.

Мама прошла на кухню. Даже древний махровый халат с грязно-оранжевыми цветами на ней был похож на царскую мантию.

— Выпей витамины, вон там кипяченая вода. Приятного, дорогая.

— А ты?

— Я села на диету.

— Когда успела? — поморщилась я.

— Два часа назад, — засмеялась мама, изящно откидывая за спину длинные рыжие кудри. — Алена давно уже не ест после шести. Теперь вместе худеть будем.

— По ней незаметно, что она худеет!

Я тут же пожалела о своей резкости, прекрасно помня неллицеприятные Аленыны отзывы обо мне, причем высказанные почти в глаза: «Инна, ты бы прихорошила девку, что ли! Она вся в папашу... Не твоя порода!»

Ну-ну.

— Я знаю, как она тебя раздражает, но не обращай внимания, — мама ущипнула меня за щеку. — Пойду, там «Ефросинья» началась.

— Мам, подожди. Я тут подумала... Может, мы мне линзы купим? Их-то я и при желании не потеряю! — Я вспомнила почти новые очки, принудительно канувшие в огромную лужу возле газетного киоска за углом.

— Нет. От линз станет только хуже, совсем ослепнешь.

— Зато их не видно, — высказала я наболевшее, — и очки мне не идут. Ну ма-ам! Я закончу четверть... э-э-э... у меня будет не больше трех четверок! Обещаю!

Лицо мамы смягчилось:

— Давай так: я посоветуюсь с Зоей, а потом решим, как лучше. Идет?

Я повеселела и быстренько съела курицу с цветной капустой. Потом, прислушавшись, достала из кармана зеркальце и мамину фотографию, сделанную, когда той было семнадцать и она ждала ребенка. Изменений к тридцати четырем годам почти не наблюдалось. Юная Инна в белом летнем платье улыбалась, блестя серыми глазами и придерживая руками живот. Я стащила это фото из маминого альбома еще лет десять назад и с тех пор отчаянно мечтала стать похожей на нее, но... «Не твоя порода!» — как ни обидно, ненавистная тетя Алена, ежедневно обсчитывавшая народ на рынке, была права.

Я старательно заправила за уши прямые черные волосы и придирчиво рассмотрела в зеркальце свой нос. Этот нос всегда портил настроение и отношения с мамой, отказывавшейся одолжить мне денег на пластику. И даже аргумент «я все верну с зарплат» не помогал. Вслед за носом критике подверглись щеки, лоб, уши.

— Чухантэ! — Я, едва сдержав слезы, пошла спать.

* * *

— Презентацию по панкам посмотрим в следующий... Так, ну-ка, сядьте на свои места. Звонок дан для учителя! И довожу до вашего сведения, девятый «Б», что во вторник состоится родительское собрание и я жду ВСЕХ.

Дав понять, что урок окончен, Ольга Игоревна подозвала старосту и что-то спросила у нее. Вика оглянулась на меня и пожала плечами.

— Катюша, а когда твоя мама наконец придет?

Я покраснела.

— У нее... работа, — проямлила я.

Ольга Игоревна преподавала с пятого класса и знала всех родителей, но моей мамы никогда не было ни на вечерах, ни на собраниях. Чаще всего школьные мероприятия накладывались на встречи с ухажерами, и мама, вечно занятая поиском счастья, выбирала последнее.

— Хоть бы раз пришла. Мне надоело передавать ей послания в твоём дневнике. В общем, скажи ей, что я буду вынуждена заглянуть к вам на чай, — и Ольга Игоревна, собрав тетради, вышла из кабинета.

Тут только я ощутила липкую тишину вокруг себя. Вика ехидно протянула:

— Я понимаю, почему она не хочет показываться нам на глаза. Она стыдится тебя! — Большинство ребят с готовностью захохотали. — Или себя? Тогда мне ее жаль... — И, тряхнув крашеной светлой гривой, Вика отвернулась к своим присным.

Я мысленно проткнула ее указкой. Ну что с такой разговаривать?

— Моя мама не хочет общаться с тобой и тебе подобными.

Не обращая внимания на звонкий мат, ударивший в спину, я вышла в коридор. Через несколько секунд показалась Рита, с которой я жила в одном подъезде. Она присела на подоконник и осторожно промокнула мою щеку рукавом.

— Не обращай внимания. Ты же знаешь, какая она — вся из себя.

Я судорожно выдохнула:

— Почему меня все ТАК ненавидят? И она... Что я ей сделала? Парня увела?! — И сама улыбнулась от подобной мысли: Рита уже второй месяц встречалась с лучшим парнем в мире. Ему недавно исполнилось двадцать.

— У нее же фраза любимая: «Чтоб запомнили».

— Я ее точно не забуду... У меня глаза красные?

Рита пригляделась:

— Нет, только не три. Пойдем?

Сегодня в Рите было что-то странное.

— Скажи, а она... Хотя не надо, она меня не волнует.

— Кать, когда ты пришла, мы, считай, уже две компании были...

О да, компаний в моем новом классе, действительно, было две — «Викина» и «отбросы», в первый же час пребывания я попала во вторую. Критерий деления — деньги. Конечно, мне, стригущейся у соседки тетя Любы и одевающейся на рынке, было далеко до Вики. Та раз в неделю ходила (точнее, ездила с папиным шофером) в салон красоты и шопинговалась в Москве. Тогда тем более была непонятна ее неприязнь к новенькой. Риту тоже не любили, но у нее брат — десантник. А у меня — мама, которую никто не видел.

Мимо прошел высокий парень. Мельком глянул на каких-то девчонок на подоконнике и подхватил на руки Вику, выскочившую из класса ему навстречу. Та победно улыбнулась подружкам, визжавшим от восторга, и показала нам язык.

— Пойдем, Рит.

На русском я так и не смогла сосредоточиться. Перед глазами стоял он, с улыбкой протягивающий руки — мне! — и обнимавший — меня! — а Рита пихала ногой и просила помочь. Я не по-дружески отмалчивалась.

Домой мы шли вдвоем. Еще у школы Рите попали комком грязного снега в спину. Викины друзья загомонили разочарованно и слегка испуганно.

— Хотели в меня, — догадалась я. — Промахнулись.

Октябрьский ветер трепал черную косу. Глаза слезились, но тереть перчаткой нельзя — негигиенично. Хотя какая разница? Желтоватое пятно на спине Риты напоминало мишень. А я вся была мишенью. В меня стреляли отравленными дротиками, в глаза, в уши, в сердце...

— Хорошо тебе, Кать...

Я с ужасом увидела слезы на щеках подруги. Слезы не от ветра.

— Ты что? С ума сошла?

— Тебя мама любит, ты у нее одна... А я, как Женька из армии вернулся, не нужна своей совсем... Вчера из клуба ушла в час ночи, раньше всех, одна! А она у двери с ремнем и орет: «Нашлялась?!» И пальто надо в химчистку теперь... Только бы поверила, что я не сама, что кто-то решился задеть сестру ее сына!

Галина Викторовна всегда угощала меня чаем с пирогами собственного приготовления, Сергей Павлович торжественно доставал шахматы, а Женя называл красоткой... Вот так. Папа, мама, я — счастливая семья?

— Да я у мамы одна. У меня нет отца. И братьев и сестер. Надо мной издеваются все, кому не лень. Мама сто второго кавалера нашла...

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Возле Ритиной квартиры я уронила «Пока» и, не дожидаясь ответа, пошла вверх. Дома ждал холодный суп и унылые выходные.

* * *

27 октября.

Привет.

Ты знаешь, вчера они опять издевались надо мной. Ты бы заступился, если бы любил меня, но...

Ты мне так дорог. Жаль, что я не могу тебе прямо сказать это. И я должна признаться... вы с Викою красивая пара. Но у нее только и есть, что красота, а больше ничего. Она глупая, самовлюбленная, капризная стерва!!!

Да, я говорила Рите, что она меня не волнует... Я наивная, да? Нет, вряд ли. Просто ревнивая. А Вика не виновата, что ее так воспитали.

Утром мы с Ритой пекли торт. Получилось нечто похожее на сплюсненную буханку черного, а на вкус вроде и ничего... Мы его кремом из сгущенки намазали и посыпали орехами. Родители похвалили, кстати. Мама намекнула, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, но вряд ли ты согласишься бы попробовать мой «шедевр». Рита в последнее время странная какая-то. Замкнулась в себе, гулять не ходит. Я ее пытаюсь расшевелить, но это ненадолго. Говорит, что за испорченное пальто ее не ругали, зря она боялась. Тогда тем более непонятно.

У меня часто звенит в ушах. Когда я сижу в тишине, можно расслышать даже что-то похожее на голоса. Они куда-то зовут, что-то обещают. Хочется покоя.

В последнее время я себя неважно чувствую. Как... беременная! Смешно, да? Мне тоже смешно. Вот этого мне точно не приходится опасаться. По крайней мере, пока ты меня не полюбишь. А значит — никогда.

* * *

— Мам, ну выбери пару часов!

— Во вторник я встречаюсь с Алексеем. Я жду предложения, пойми! — И мама ушла делать педикюр.

Это надолго. Я подошла к окну. Из-под подоконника сквозило. Во дворе гуляла с маленьким внуком тетя Люба. Санька, одетый в темно-синюю курточку и шапку-носок, гонял воробьев, а бабушка приманивала их хлебом и семечками. Падали мелкие хлопья снега. Конец октября.

Я любила зиму. Это время покоя. А осень... Осень — испытание психики. Прошлую я кое-как пережила. Ты сейчас согрел бы руки мне, а не ей... И мама никак не разберется в себе. А еще пытается мне указывать. Я спрятала пальцы в рукава, а нос в воротник. Воробьи в сотый раз расселись на ветках рябины, недовольно поглядывая на синий сполох внизу. Санька смеялся. Я вспомнила свой вчерашний разговор с бабушкой по телефону. Кончилось тем, что она, демонстративно напоследок всхлипнув, швырнула трубку. Она всегда звонит не вовремя. Потом мама поговорила с ней по мобильному. Я расслышала только «...перебесится... ты тоже не сахар... никаких проблем...». Ну да, никаких. Прошла Рита. Из пакета торчал батон.

Я вышла в коридор. Мама в ванной напевала «Веру» Меладзе. Пахло лаком.

Рита не открывала долго. Я заколотила в дверь ногой и неожиданно повалилась навзничь. Голова оказалась рядом с Женькиными армейскими штиблетами. Я встала и, не обращая внимания на хохот подруги, прошла на кухню.

— Ты что делаешь?! — Она бросилась ко мне, пытаясь вырвать бутылку, но я с размаху ударила ею по крану. Полетели осколки, вонючая гадость залила грязные тарелки в раковине.

— Дура! — не сдержалась я. — Что случилось?!

Рита оцепенело смотрела на хромированный кран со свежими царапинами.

— Мама меня убьет, — сообщила она буднично. — Я беременна.

Я упала на стул, продолжая сжимать горлышко с остатками наклейки:

— Что?.. Как... то есть с кем?!

— Ты его не знаешь... Дима зовут. На Танькином дне рождения познакомились, ну и...

— Сколько ему лет?

— Двадцать три. А что?

— Как что? Его посадят, а ты... Ты должна сделать аборт!

Глаза подруги наполнились слезами. Она жалко сморщилась и отвернулась к окну:

— До восемнадцати — только с разрешения родителей. Представь, что будет, если мама узнает. Она меня в детдом сдаст или... Как думаешь?

— Ты себе жизнь испоганишь. Сама еще ребенок... Что он наговорил тебе?

— Что хочет меня... Все.

В ушах зазвенело. Рита схватила меня за запястья:

— Я не хочу жить, как мне говорят. И плевать, что будет со мной.

— У тебя было только с ним?

— Да...

— Он знает? Ну, что ты... если да, то должен признать ребенка. Тогда все еще не так плохо.

— Я не знаю, где его искать. И Таня толком не знает. Он ей четыре или пять пирсингов сделал, раза в три дешевле, чем в салоне. У нее только номер его есть.

— Боже... — Я сунула горящую голову под струю ледяной воды. Мокрые волосы оказались в тарелке с крупинками гречневой каши.

Рита открыла форточку. Подошла ко мне, потянула за ремень джинсов.

— Хватит, простудишься. — Она подала мне не первой свежести посудное полотенце. — Вытрись. У тебя тушь потекла.

— Плевать.

Я взяла бутылку «Аоса».

— Сейчас смою... Все?

Рита пригляделась:

— Да. Фен надо?

— Угу. Мама удивится, что я у тебя голову мою.

Подруга натужно улыбнулась.

— Рит, какой у тебя месяц? Первый?

— Да, пока не поздно... Но, знаешь, Катя... Потом у меня вообще может не быть детей. Я боюсь.

— Поздно. Плакать, в смысле, поздно.

Мы убрали из раковины все остатки бутылки и вымыли тарелки. Осколки пришлось смыть в унитаз.

Скрежет ключа в двери.

— Катя, только молчи! Обещаешь?

Я оглянулась:

— Я подумаю, что можно сделать.

* * *

— Что тут у нас... «Не может наладить отношения с классом»? «Не сдает вовремя домашние задания»? Катерина, что происходит?!

А в самом деле, что?

— Не знаю. Я к тетя Любе пойду, если она дома.

— Нет, ты сначала ответишь мне, а потом пойдешь!

— Не кричи на меня!!!

Мама остолбенела. Еще бы.

— Ты как с матерью разговариваешь? Тебя что, воспитывали мало?!

— Много. Но результат — перед тобой, так что... — И я ушла, не оглядываясь.

Хороший человек тетя Люба, только вот с батареями в квартире у нее вечно проблемы. А живет она этажом выше. Поэтому нас с мамой она стрижет бесплатно.

— Как обычно, подровняйте, и хватит, — попросила я, занимая привычное место перед трюмо.

— Парня-то не нашла? — подмигнула тетя Люба, смачивая кончики моих волос.

— Найду — скажу.

На лестнице пахло сигаретами. Домой идти не хотелось. Мама будет портить настроение своими порицаниями, вспоминать, сколько времени, денег и сил убила на дочь, повторять в сто первый раз «я не такая была»... Пойти к Рите?

— А Риты нет и не будет, она у Тани сидит, — Женька захрустел пальцами.

— У Комоловой?

— Не знаю. У той, которая вечно с синими губами ходит... Эма которая!

— Эмо, — машинально поправила я. — Ну, пойду тогда.

— Кто опять накурил тут? Подъезд — место общественное, сколько раз говорить! — В пролете возникла грозная вахтерша Антонина Сергеевна, ведущая многолетнюю и непрерывную войну с «вредителями», курящими в пролетах. Впрочем, ее собственная совесть не мешала ей тянуть «Яву» непосредственно на рабочем месте вот уже двадцать три года.

Антонина Сергеевна вихрем пронеслась по лестницам и, не найдя злостного курильщика, на всякий случай погрозила нам пальцем:

— Вот устрою собрание!

Я устало побрела к себе. Надо войти, сразу пробраться в комнату и лечь, пока мама смотрит новости. Хотя нет разницы, когда скандалить. Тем более что табачный запах явно из нашей квартиры.

* * *

15 ноября.

Я меняюсь. А ты ничего не замечаешь. Вчера Рита проколола мне уши. Было не больно, только они потом распухли и оттопырились. Мне пришлось ходить с распущенными волосами, Викина компания едва не умерла от смеха.

Ольга Игоревна все пишет маме в моем дневнике, жалуется на пропуски и долги, а мне, если честно, все равно. Тем более что после недавнего скандала мама отказалась покупать линзы. Нашла в шкафу очки. Сейчас такие на пике моды. Смотрится неплохо, как ни странно. С мамой отношения понемногу налаживаются, а вот со здоровьем все хуже. В моем организме как будто растет червь, и он пожирает меня, становясь сильнее. В первую очередь он добрался до мозга. Наверное, поэтому перестала понимать, что делаю. Иногда я включаюсь и вижу, что сижу на кухне с колбасой в руках.

А теперь еще и сердце. Болит, болит безумно каждый день. Это — любовь. Это — ты. У меня мутится в глазах, когда я думаю о тебе. То есть очень часто. Говорят, что человек чувствует, когда его любят. Ты что-нибудь ощущаешь? А может, ты считаешь, что это волны Викиной любви греют тебя, и набираешь ее номер?

Я не могу любить тебя. Мне нельзя. Может быть, мы с мамой переедем к бабушке в Калугу. Там мне станет легче, я не буду видеть вас с Викой. А вдруг нет? Вчера мама полезла в наш общий стол за сменными стержнями и чуть не нашла дневник. Не знаю, куда его девать. И Рита со своими проблемами... Ну как я могу ей помочь? Аборт ей сделаю?! Таня сказала, что у Димы девушка есть. Рите он ничего не сообщил.

Но и жениться вроде тоже не обещал, так что... А разве скажешь: «Сама виновата»? Я запуталась.

Внутри

— Та-ак, кто у нас пойдет к доске решать уравнение?

Девятый «Б» дружно сполз под парты.

— Вика?

— Я не знаю, как.

— Не знаешь? Или не сделала? — Бессменный школьный химик Анна Семеновна спустила очки на кончик длинного носа. Прodelала она это средним пальцем, отчего жест стал почти неприличным. Кто-то хихикнул. Вика покраснела.

— Я не сделала, потому что не понимаю!

— В прошлый раз задание было по этой же теме. Но, — ехидно продолжила старая учительница, — я-то прекрасно знаю, что этого упражнения нет в ваших хваленых «Готовых домашних заданиях»! И что же мы будем делать?

«Отбросы» злорадствовали. Анну Семеновну они любили. Эта старая женщина с пролетарскими замашками откровенно презирала школьную элиту и не упускала случая уязвить кого-нибудь, за что ее часто вызывали «на ковер». Она, впрочем, не унывала. Ей, лучшему химику в городке, нечего было бояться увольнения.

— Так, ладно, Горская, вам «неуд». А теперь мы поговорим о реакциях, с помощью которых возможно обнаружение перекиси водорода. Возьмите по набору для практики на парту.

Девятый «Б» осторожно разобрал разноцветные кошачьи лотки: Анна Семеновна предпочитала их стандартным подносикам за размеры и высоту бортиков.

— Перекись можете не трогать. Возьмем волосы Виктории, у нее их много.

Раздался смех. Мне почему-то стало гадко. Староста разрыдалась, громко, отчаянно, как в кино, когда нас всем классом водили на «Осень в Нью-Йорке». Ира и Леся кинулись ее утешать, а она отпихивала их и пыталась набрать чей-то номер. Потерпев неудачу, Вика швырнула телефон в таблицу Менделеева и выскочила за дверь. На парте остался раскрытый пенал с шикарным маникюрным набором и обкусанной ручкой.

Всю лабораторку Рита сделала практически одна. Я только подала ей кусочки мяса и белого хлеба из столовой и сходила за чистыми пробирками. Анна Семеновна подошла проверить работу и удовлетворенно кивнула. Последние пять минут мы сидели в полной тишине. Солнце отражалось на глянцевых плакатах, блестели пробирки и колбы в застекленных шкафчиках, ледяные узоры на окнах отливали то серебром, то золотом.

На задней парте вдруг вскочила Ирка:

— Синица, смотрите!

Ребята завертели головами и, разглядев птаху, загомонили. А та громко постучала в окошко.

— Примета плохая, — прошептала Рита.

Класс молчал.

* * *

— Рит, я страшная?

Я знала, что сейчас услышу.

— Нет, просто тебе надо сменить имидж — одежду, прическу. Тунику купи, серьги большие.

— Мне так удобно.

— Ты же сама...

— Ты еще не знаешь, что было, когда мама дырки в ушах заметила! Потом, правда, разрешила серебряные гвоздики, но не больше.

Мы притихли, дожидаясь, пока физрук отойдет подальше. Рита пробурчала:

— Как это — пересеченная местность?

— Ну, труднопроходимая — кустарники, лес, канавы... Мы на лыжах кататься будем, не слышала, что ли?

— Только лыж и не хватало... — недовольно заерзала подруга. — Еще и в лесу где-то...

— На трассе только спортсмены из «Олимпиака» занимаются. У школы денег на абонемент нет.

— Что ли буржуи купить не могут? Для своих же детей.

— У нас буржуев треть учеников. А платить придется за всех. И за меня в том числе. Знаешь, мама сейчас...

— Тсс!

— А сейчас, — шепотом продолжила я, — мама вообще с ума сошла. Этот... Алексей так на ней и не женился. Вот она и страдает. И мне покоя не дает. Правда, пообещала прийти на новогодний вечер. Даже платье купила.

— Красивое? — Рита так и загорелась. — Можно я приду посмотреть?

— Скоро увидишь, — засмеялась я, — на ней. Мама попросила прощения за то, что не была на собрании... Если бы она пришла! Они все, ВСЕ увидели бы ее. И никакая Вика бы не посмела... Кстати, я поговорила с Танькой про тебя. Она сказала, что Диме этому передаст. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Не тошнит даже. Только спать много хочется.

Уши вдруг заложило, и звуки доносились, как сквозь шапку. Физрук что-то долбил вдалеке. Рита шипела в ухо, щекоча дыханием. А я сквозь стеклянную дверь видела его: он окинул беглым взглядом сидящих ребят и, недовольно нахмурившись, ушел. «А на тебя даже не посмотрел», — ехидно прожурчал чей-то голос в моем мозгу. Я ощутила, как дрожат пальцы, и поняла, что у меня очень быстро бьется сердце.

Рита смотрела недоуменно:

— Ты что, спишь?

Я выскочила из класса.

* * *

Декабрь... На смену холодной сырости приходит тягучая неподвижность, устойчивость. Декабрь. Все его так ненавидят. Мама — потому что приходится отказываться от любимых каблуков. Антонина Сергеевна — потому что жильцам, видите ли, холодно курить на балконах. Теть Люба — потому что холодно мыть памятник на могиле мужа. Рита — потому что у нее болят суставы, травмированные на аэробике лет пять назад. Вика — потому что из-за шубы не видно фигуры. И даже Женька, несмотря на то, что празднует дембель. А я люблю: можно спокойно закутаться в шарф и шапку, и никто не увидит ни вздернутого носа, ни глупой косички. Как сейчас. Прохладно, конечно... но плюсов все равно больше.

На тротуаре сидел котенок. Вернее, кот-подросток, симпатичный, грязный и жалкий.

— Девочка, тебе котик не нужен? Смотри, какой!

— Нет, не нужен. Это ваш?

— Уличный... — Лицо у бабульки сморщилось. — Объявился тута дня три назад. Возьмешь? Подохнет на улице-то...

— Я не могу... Э... У мамы аллергия. — И я пошла дальше.

— Во, какие люди нынче! Бездушные! Ты посмотри, маленькая, а уже злыдня! — Меня будто снова ударили в спину.

— Раз вы такая добрая, себе возьмите!

— Мне зачем кот? Помирать пора... Да и прокормить его надо. А у меня пенсия маленькая... — Бабка еще что-то пробормотала.

Котенок пронзительно заверещал, я обернулась. Он бросился в сторону от выбежавшей из подворотни далматинки... Помчался наперерез серой «Ладе»...

— Стой!

— Ой, сволочь, ты ж что натворил! Душегуб! Живодер!

Щуплый парень, хозяин псины, начал оправдываться, изловил питомицу и потащил через дорогу. Поток машин остановился. Под правым колесом «Оки» лежала шкурка с разинутой пастью.

Я скрючилась, упала на колени, пытаюсь сдержать рвоту... Перед глазами оказались алые капли, чуть-чуть растопившие плотный снег...

* * *

Мама в который раз прошлась перед зеркалом. Серое шелковое платье выгодно оттеняло медно-рыжие волосы и глаза цвета темного жемчуга. Кудри она подобрала и заколола шпильками, слегка растрепав. Теперь ей нельзя было дать больше двадцати пяти.

— Мам, ты такая красивая! Вот бы мне...

Она засмеялась.

— Ты у меня Гадкий утенок.

— Я знаю.

Как, как она может говорить такое? И еще смеяться?!

— Ты забыла сказку? — Она накинула домашний халат и, открыв стол, достала пару чистых листов. — Кем он стал? Линейка, где линейка?

Я обняла ее, уткнувшись носом ей в затылок.

— Хм-м, не знаю... Тебе ванная не нужна?

— Иди, мойся, я пока схемы начерчу...

В ванной я пробыла долго. Хвойно-мятная пена для ванны и «Black Roses» от финских рокеров обеспечили забытие почти на час. Я вышла очень тихо, опасаясь, что мама уже спит. Нет, настольная лампа еще горит...

— Мама?

Она торопливо оправила халат на коленях. На пол упала, раскрывшись, толстая тетрадь. Наклейки, сердечки на полях...

— Ты читала? Мама!

— Что-то не так?

— Мама, ты что?! Это же личное!

— Какие секреты от матери? Я ничего от своей не скрывала...

— Есть вещи... Ты должна понимать! Это не только мои тайны! Зачем ты шарил в моем столе?!

— Это и мой стол тоже! Прекрати истерику!

— Не смей! Никогда не смей трогать мои вещи! — Вырвав тетрадь из ее рук, я убежала в туалет.

Часа в три ночи я прокралась к себе. Из маминой комнаты доносился сдавленный плач.

* * *

9 декабря.

Я не знаю, что делать... Она видела дневник. Я всегда прячу его под тетради, но мой ящик стола был весь вывернут. Сколько она успела прочитать?..

Сейчас я сижу в сквере на лавочке. Руки уже болят от холода. Мама не понимает меня. Иногда кажется, что лучше бы мне не родиться. В детстве я часто оставалась одна. Мама уходила на работу, а я оставалась. Мне было так плохо без нее. Теперь мне плохо с ней. На днях она звонила своей двоюродной сестре. Я ни разу не видела тетю, но я ее все равно не люблю. Мама сказала, что я совсем не вредная.

Вика почему-то перестала задевать меня. Ходит с ободранными ногтями и молчит.

Я ведь люблю тебя. Больше, чем Риту. Ужасно себя чувствую. У меня часто кружится голова. Хорошо, что пока нет физры. Из-за морозов. Прогулок на лыжах я бы не вынесла. А еще я боюсь, что мама узнает, что мне плохо. Она же потащит по врачам, те пропишут таблетки... Мир перестанет существовать. Я буду чувствовать пищу в желудке, одежду на теле, серьги в не до конца заживших ушах... А внутри — пустота...

Подарок

— Еще фто-нибудь? — Тетя Аня вечно говорила невнятно из-за жвачки.

— Две пачки творога, десяток яиц, — я сверилась со списком, — и во-он ту слойку, пожалста.

— Вам помочь?

Я обмерла. Сзади стоял он.

— Н-нет, сп-пасибо... Я сама...

Он ловко поймал слойку в целлофане почти у пола и улыбнулся.

— Я все-таки помогу. Вас как зовут? — И, аккуратно сложив мои покупки в огромный серый пакет, привалился к прилавку.

— Катя...

— А меня Валера. Очень приятно. — На каштановых волосах таял снег.

ОН ЗАМЕТИЛ МЕНЯ! В этой дурацкой шапке до бровей, в очках и с глупыми косичками!

* * *

Дверь открыл Санек и тут же завопил:

— Бу-уль, к тебе присли!

Я засмеялась.

— Сначала надо сказать: «Кто там?» — Во мне проклюнулись назидательные интонации моей Инны. — Ты почему дома?

Из кухни показалась мелированная голова в бигуди.

— И не говори, Катюш, учу, воспитываю, а толку... Мы бодем опять. Стричься пришла?

— Угадали. Вы заняты?

— Пойдем, чаю с нами попьешь, и начнем.

Запах мяты и меда витал почему-то лишь в границах кухни.

— Сашенька, надо выпить...

— Пф-ф-ф! Я лейка!

Пока я смеялась до колик, сердитая бабушка сменила забрызганный рыбьим жиром халат на симпатичную байковую пижаму и надела синий фартук.

— Бу-уль, конфету! — Санька потянулся к «Красному маку».

— Печеньку! Опять чесаться будешь!.. Садись на тубаретку. Как обычно, Катюш?

— Нет, — сердце предостерегающе стукнуло. — Как вы представляете... Ну, что мне подойдет?

— А-а... так-так, решила послушаться? Это ха-ра-шо-о! — Довольная собой, тетя Люба воинственно подцепила со стола распылитель.

Мой туго стянутый на затылке хвост распался длинными прядями, скрывая уши и щеки. Мастерница резким движением отвернула меня от трюмо и заявила:

— А давай как в том шоу, увидишь только результат. — И ее руки с расческой засновали вдоль моей спины, холодя позвоночник.

Я зажмурилась. Ножницы хрустели возле самого уха, тетя Люба напевала, перебивая жужжание фена, и, наконец...

— Ну, смотри! Как тебе?

Незнакомка. Большие темно-синие глаза, вздернутый нос и жесткие черные волосы. Очень короткая редкая челка, похожая на горнолыжный трамплин. Изыщные ушки чуть покраснели от горячего воздуха. За голову мы схватились одновременно.

— Это я? — Под пальцами хрустнули торчащие в разные стороны пряди. — Я???

— То-то! — Тетя Люба выпятила грудь, уронив филировочные ножницы. — Я тебе давно говорила. Мать упадет!

Мама? Я замерла.

* * *

— Катя... Что это?! Что за кошмар?!

— Почему сразу кошмар, мам? Просто я подстриглась. Ты привыкнешь...

— Ты теперь похожа на Татьяну! Только та дура, а ты вроде... Кто тебя так изуродовал? Люба? — И мама вылетела на площадку.

Я прислонилась лицом к перилам и сползла на ступени. Я должна была это предвидеть. Теперь уже поздно.

Валера. Завтра он придет к Вике и скажет мне: «Привет!» Если узнает. Какие у него будут глаза? Это стоит даже ссоры с мамой. И вообще, это мой подарок себе на Новый год. В открытую дверь донеслась мелодия «Livin in a world without you». Я побежала искать телефон. Игорь, кто же еще.

— Не тараторь, — предупредила я его. — Я не пойму.

— Да я по поводу Нового года. Вечер перенесли на двадцать седьмое.

— Завтра?!

— Ну да. А что? Ты придешь?

Забеспокоился, тоже мне...

— Ага.

Оглушительно заурчал холодильник, и я вздрогнула.

— С мамой?

— Ну... наверно. — Я поудобнее перехватила трубку и взяла шоколадную печеньку из вазочки. Надкусила, положила обратно. — Я поговорю с ней.

— Кать, я подумал... там будут танцы. Обещаешь мне медляк?

— Д-да. Обещаю.

Игорь коротко хихикнул. Коротко и противно. И отключился. Я собрала пальцем крошки от печенья. Удастся ли помириться с мамой? Она желает мне добра. И давит во мне личность. Она пытается помочь мне. А как я буду жить САМА? Она любит меня. Даже слишком...

— Катя? — Мама устало опустилась на табурет, скинув вчерашнюю газету. Коснулась моей щеки. Я боялась посмотреть на нее.

— Не будем ссориться.

— Завтра у нас вечер, — сердце запрыгало. — Ты пойдешь?

— Да. Да, пойду. — В ее голосе было что-то странное. — Я тут подумала... Может, купим тебе линзы?

Я бросилась ей на шею.

* * *

«Новый год к нам мчится, скоро все случится...»

Пять классов бесновались в школьном спортзале под танцевальные ритмы. Мы с мамой пришли, немного опоздав. Зато туфли купили.

Сзади слышались шаги и голос:

— Инна Михална, здравствуйте!

Мама оглянулась:

— А-а, Игорь. Привет, дружок.

— Катя не с вами?

Я расхохоталась.

Разочарование на лице парнишки сменилось восторгом. Я почувствовала себя королевой. А потом... Я видела все глаза, изумленно ищущие мою тень, и смеялась: вот вам! Вот вам за ваше пренебрежение! За оскорбления, подначки и издевательства! За все мои слезы, бессонные ночи, ненависть к себе! Вы меня презирали или не замечали. Провалитесь теперь сквозь землю...

Физрук, исполнявший обязанности диджея, ткнул в пульт, и Dj Smash умолк. А через пару секунд из допотопных динамиков полились по залу звуки вальса «Мой ласковый и нежный зверь». Игорь улыбнулся и протянул мне руку:

— Идем?

Рука повисла в воздухе.

— Катя?!

У меня что-то сжалось в груди.

— А, здравствуй... рада тебя видеть. — Я произнесла это как могла непринужденно. — Вот уж не думала.

— Потанцуем? — улыбнулся Валера. — Или ты занята?

Я сощурила глаза, пытаюсь разглядеть его лицо, но в зале было темно.

— Прости, я с Игорем. Игорь, это Валера. — Мне показалось, или они действительно посмотрели друг на друга с неприязнью?

Вика пришла, но выглядела ужасно. Она уже неделю так выглядит. А вдруг... хотя, почему бы и нет?

— Валер, ты ведь знаешь Вику? Она со мной учится. Пригласи ее, она будет рада.

— Не думаю... — пробормотал Валера, но направился в ее сторону. Староста робко улыбнулась, а я ощутила удовлетворение. Веселье начинается.

Мама вовсю кружила с Валерием Палычем, ради такого дела оставившим свои колонки. А Игорь, оказывается, здорово танцевал... по сравнению с другими, по крайней мере.

После медляка с Вовкой из десятого «А» новые туфли пришлось отмывать в туалете. В раковину стекал крем, заботливо нанесенный прямо в магазине на новые лодочки.

«Зеркала в янтаре мой восторг отражают, кто-то пел, на заре дом родной покидая...»

«Будешь ты в декабре вновь со мной, дорогая...»

Я резко оглянулась. В глазах потемнело, я схватилась за край раковины.

— Ты все-таки пришла? Не хотела ведь.

— Да. Маме показалось бы странным, что я не иду на гулянку. — Рита вскарабкалась на подоконник. Ее движения уже были стесненными. Она выглядела уставшей.

— Я потанцевала немного... Кстати, поздравляю, Вика уехала.

— Не поняла.

— Уехала. Я пришла посидеть в туалет, смотрю, она плачет. Как меня увидела — вылетела вон. И отца ее нет. Это все твой дебют, подруга.

Значит, я угадала. Они расстались.

— Чудесно. Долго еще до конца?

— Час примерно. Ты иди, я тут буду. Только зайди за мной, как соберетесь.

Я побежала в спортзал. Как там мама?

Твоя очередь

— Он классный. Умный, красивый, ласковый...

— Рада за тебя! — Я прижалась к маминой щеке. — Наконец-то ты счастлива. Как его зовут?

— Валерий.

Боже, неужели наш физрук?! Самый ярый женоненавистник в мире! Но, следует признать, мама справедлива в оценках...

— А теперь, — мама шлепнула меня пониже талии, — идем наряжать елку.

— Когда ты с ним познакомилась? На вечере?

— Вообще-то неделю назад. Он мне помог выйти из маршрутки, я же слабая женщина...

Мы расхохотались.

— Н-да, он джентльмен. Теперь твоя очередь.

Я покраснела до кончиков ногтей и полезла за дождиком.

— Мам, мне еще рано.

Она открыла рот, потом закрыла. На меня словно потянуло сквозняком. Дневник. Но мама сказала:

— В самый раз. Лучше нагуляться в молодости, чем начать к старости.

— У тебя, — я подала ей клубки мишуры, — у тебя еще и не зрелость даже. Так что прекрати. Что за привычка себя унижать?!

— Это лучше, чем позволить другому тебя унижить. Разве нет?

* * *

30 декабря.

Вчера мама рассказала мне про нового поклонника. Представляешь, это наш физрук! То-то он к ней все подкатывал. А еще она знала про Вику, просто хотела, чтобы я сама умела за себя постоять. Она сказала, что есть три пути: терпеть, бороться, уйти. И я прошла и первый, и второй. А третий — это уехать в Калугу? Сбежать? Она ответила, что да, но посмотрела как-то странно. Ну да Бог с ними, путями.

Я рассказала про Риту, правда, не назвала имени... Хотела посоветоваться. Мама ответила, что «эта девочка просто идиотка, раз так себя ведет». Разве можно однозначно

оценить человека?! Знала бы она... Хорошо, что сейчас каникулы, Рита хотя бы отдыхает. Галина Викторовна не нарадуется на дочь. Перебесилась, говорит, нагулялась, слава те Господи. Да уж, какие теперь гулянки...

Я часто мысленно разговариваю с тобой. Я люблю тебя. Я до сих пор радуюсь тому, что ты позавчера звонил...

* * *

— Алло?

— Кать, Катька! Это ты? — Таня орала, как ненормальная.

— Что случилось? — Просто так она никогда не звонит. Это ее положительная черта.

— Ритке плохо, она у меня... Приходи, я все расскажу, только быстро! Код подъезда — три и восемь, жми одновременно. Быстро!

Таня бросила трубку. Я кое-как напялила куртку, заперла дверь и побежала наверх. Забарабанила в соседскую дверь и, сунув открывшей тетя Любе ключи, бросилась к лифту. Что могло случиться? Рита легко переносит беременность... Неужели Галина Викторовна узнала? Как? Нашла тесты? Подслушала разговор или — сердце екнуло — прочитала в дневнике? Моем или Ритином?

Шапка осталась дома, и в волосы мгновенно набился снег. Я бежала по тротуару, легко обгоняя ползущие «пазики». В спину били гудки и свист. Забрызганная грязью дверь подъезда подалась нехотя. Я пролетела на третий этаж и с разгона — в Танькину квартиру.

В коридоре было темно, только справа доносились испуганные голоса и сдавленные стоны. Я, не разуваясь, пошла в комнату, но запнулась за мужские ботинки. Навстречу выглянула серая Таня.

— Иди сюда. Сейчас поймешь.

В комнате сидел незнакомый парень в косухе и всхлипывающая девица лет двадцати пяти, в белом халате и шапочке. На грязной простыне корчилась Рита, прикрытая пледом.

— Почему она тут? — Сейчас меня интересовало только то, почему Рита лежала на письменном столе. — На кровать ее надо.

Таня покачала головой.

— Дим, отвернись.

Дима? Вот тебе раз! Я уставилась на парня, заинтересовавшегося вдруг напольной вазой в углу.

Таня осторожно сняла с Риты плед. Рита лежала совершенно голая, судорожно сжимая руками живот. Под ней расплывалась лужа крови. Меня затошнило.

— Предки сегодня в ночную смену, вот мы и решили тут провести... — Голос у Тани дрожал. — Сначала все нормально было, потом у нее кровь потекла... Ты что?!

Дима заорал, пытаясь оторвать мои руки от своего горла. Тогда я вцепилась ему в волосы. Каждый мой рывок сопровождался его воплями и отборным матом.

— Сволочь, подонок, мразь! Это ты виноват! Я вас всех посажу!..

Девица в халате проявила прыть. Она ловко проскользнула мимо Тани, но запнулась за те же ботинки, что и я. Таня ловко уселась ей на спину, прижав руки к полу.

— Лежи тихо, кретинка!

Дима вырвался, оставив у меня в руках клочки волос:

— Ты, медсестра недоделанная! — бросился он к халату. — Ты же говорила, что все будет хорошо!

Медсестра завизжала с пола:

— Она не от меня залетела, если что! Сам и отвечай! Меня попросили — я сделала...

— Кто тебя просил?! — Я оттолкнула косуху, схватила ее за подбородок и рванула вверх, заставляя посмотреть мне в лицо.

— Дима... сказал... что надо малолетке аборт... Отпусти-и... — Ее спина под Таниным коленом угрожающе хрустнула.

— А малолетка согласилась?

Девушка в ответ лишь сипела. Я разжала пальцы.

— Да, — тихо ответила Танька. — Я пыталась отговорить ее, но она сказала, что в больницу не пойдет, лучше повесится. Она матери боится.

— И сейчас умрет из-за какой-то недоучки... Где вы ее выкопали?!

— Это моя девушка, — парень попятился от меня. — Она в меде учится... Вы ей, того, шею не сломайте.

Я привалилась к стене.

Рита снова застонала и прохрипела:

— Катя... Катя, не трогай ее. Если я умру, мама не расстроится.

— Я расстроюсь.

Я встала:

— Где телефон?

* * *

Собаки, помойки, переулки... После того как Риту забрала «скорая», а медсестру — менты, я поплелась домой. В голове стоял звон. Что, что, что делать? Дима сразу заявил, что не знает бывшую беременную, а спал с ней по пьяни, и вообще она на него сама бросалась, а девушку мы с Танькой заставили сделать подруге аборт. Милиционеры похмыкали и забрали рыдающую акушерку. Спросили наши с Таней имена и адреса, взяли с Димы подписку о невыезде.

А вдруг Рита умрет?

«Идиотка, раз так себя ведет...» Ну-ну. Теперь все узнают. Мама прожужжит мне все уши наставлениями, бабушка по телефону запретит общаться «со всякими», Галина Викторовна возненавидит меня за молчание...

Зазвонил мобильник. Мама. Я отключила звук. Возле магазина игрушек сидела нищая старуха в чистом буром пальто. Она привычным жестом протянула руку в сторону какой-то женщины с девочкой лет пяти. Я остановилась, шаря по карманам.

— Мам, ну купи... — тянула девочка у витрины. — Ну, ма-ам, купи куклу...

— У тебя их и так полно, — ответила ей мать, старательно не замечая просительного взгляда старухи.

— Такой нету... Мама! — Девочка зарыдала и выпустила ее руку. И осталась возле магазина, глядя вслед напоказ уходящей матери. Слезы капали на нарядную сиреневую курточку, мгновенно замерзали на ней...

Старуха зашевелилась. Вытащила из карманов и эмалированной кружки скомканные бумажки, подслеповато щурясь, сосчитала их и зашла в магазин. Мать девочки взглянула из-за угла:

— Иди сюда, кому говорю! Или ищи другую маму! — и снова скрылась.

Нищенка протянула ребенку куклу в роскошной коробке.

— Это тебе...

— Мама, ма-ама, смотри! — И девочка умчалась. Издалека снова донесся ее звонкий голос. Горькая улыбка скривила обветренные губы нищенки.

Я замерла, сжимая восемь рублей. Попятилась назад, чтобы не столкнуться со старухой, и перешла дорогу. С той стороны я увидела, как она складывает стул и убирает кружку в полосатую сумку. Глаза слезились, должно быть, от ветра.

* * *

Я вернулась из больницы.

— И что теперь будет?

— Это ты виновата.

— Мама?!

— Что, что «мама»? Ты должна была все рассказать Галине, а там пусть бы сами разбирались! Может, Галя сама бы запретила ей рожать!

Я встала со стула и сняла куртку.

— Да, запретила бы. И вымотала бы ей все нервы, и припомнила ей все пять или шесть пати, и прокляла бы ее...

— И была бы права. Потому что она мать. Она лучше знает... — Мама осеклась. Я смотрела на нее, не мигая.

— Не знает. И ты не знаешь. Дети сыты, одеты, значит, все прекрасно?

— Да какие у вас могут быть проблемы?! Учиться — вот твоя задача на ближайшие годы! Тебе еще жить и ума набираться!

— И до пенсии жить ТВОИМ умом? Ты даже сейчас ни слова против бабушки не скажешь! — Мама замерла, но меня понесло: — Ты всегда меня давила, не позволяла ничего решать самой! Я до сих пор возвращаюсь домой в девять вечера, как Маша с первого этажа! Только Маше восемь лет, а мне шестнадцать! Я еще не купила сама ни одной вещи, не потратила подаренные мне деньги без твоего разрешения! У меня даже нет своего ключа от дома!

Мама молчала. Я задыхалась.

— Ну что ж, иди, — наконец тихо прошептала она. — Иди, куда хочешь. За одной уже недосмотрели — и вот, пожалуйста! Едва не принесла в подоле!

Мама опустила на табуретку, держась за сердце. Откашлялась, выпила залпом стакан сока. По ее подбородку потекла оранжевая струйка и исчезла в вырезе блузки.

— В общем, так. Если тебе не терпится быть самостоятельной — иди работать. Но тебе будут рады только на панели, имей в виду. Я не потерплю никаких пати, никаких парней, никаких гулянок! В десять ты должна всегда быть дома, поняла? И еще. Я запрещаю тебе, слышишь, ЗАПРЕЩАЮ общаться с Маргаритой и Татьяной. И не советую врать мне.

Я пошла к двери, потом обернулась:

— Подожди, может, Рита и умрет... Тебе нечего будет бояться. И Галина Викторовна порадуетя...

— Ты что несешь?!

— Правду. А что такого? У ее матери Женя останется, а он не проститутка...

Я ушла к себе.

* * *

18 января.

Это невыносимо. Я ненавижу ее, ты не представляешь, как. Ненавижу эту уверенность в своей правоте. «Какие у вас могут быть проблемы?!» Моя лучшая подруга умирает из-за неудачного аборта, я не видела тебя уже четыре дня, скоро я опять встречу с Викиной компанией, и вместо матери со мной живет надсмотрщица...

Жизнь хороша, и жить хорошо! Разве нет?! Так хочется хоть кого-нибудь порадовать. Только сейчас я понимаю, что вид человека, которому ты сделал добро, может придать жизни смысл...

В прошлый раз я написала тебе про старуху возле детского магазина, помнишь? Я ходила туда вчера, хотела отнести ей денег. У меня было около двухсот рублей. Так вот, я пришла, а ее нет. Продащица сказала, что она не приходила с позавчерашнего дня (когда она купила девочке куклу). Странно. Сейчас я еще схожу. Прощаюсь ненадолго. Целую.

* * *

Мне так плохо. Я была у магазина. Та старушка, баба Валя, умерла. Я изо всех сил пытаюсь себя убедить, что я все равно не смогла бы ей помочь. Чувствую себя плесенью. Такая же ненужная, противная всем... Бесплезная, мерзкая грязь. Мама до сих пор со мной не разговаривает, только все названивает своему мужику. Вчера я мельком услышала что-то о переезде. Вот об этом не хотелось бы даже думать. Может, стоит уйти в монастырь? Я, правда, не верю в Бога, но там хоть не будет никаких забот... Я уже представляю себя в рясе. Там легче, потому что жизнь идет по расписанию: завтрак, обед, работа какая-нибудь, молитвы. И никакой свободы. За тебя уже приняты все решения...

Хотя обманывать себя — самое неблагодарное дело. Не стоит. Оставаясь наедине с собой, надо быть честной. Хватит и того, что другие люди обманывают меня каждый день. Лучше уж крестик над могилкой, чем на шее, на цепочке. А ты как думаешь?

Я скорее умру, чем подчинюсь маме. Она задушит меня своей заботой. Правда, сейчас ей надо еще и не упустить физрука... Пусть хоть выйдет замуж, родит себе кого-нибудь еще и отстанет от меня!

Мне тебя не хватает. Я поймала себя на мысли, что жалею, что вы с Викой расстались. Я бы каждый день видела тебя в школе. А так...

* * *

— Выживет, конечно, но детей иметь не будет. И то, если б нас вовремя не вызвали... Кто ее?

Галина Викторовна брезгливо пожала плечами:

— Какая-то студентка из меда... Кошмар! Бедная моя девочка! Когда я смогу ее забрать? Ей нужны лекарства?

— Еще недели три пролежит у нас, потом посмотрим. — Гинеколог записал что-то в Ритиной медкнижке. — Девчонку эту посадят. Не переживайте, я понимаю ваше горе, но все могло быть и хуже.

— Куда хуже... Хорошо, мы пойдем. До свидания.

— До свидания, — выдавила я, наматывая шарф.

— Всего хорошего, — устало улыбнулся врач.

Под моими ботинками скрипел древний линолеум. Галина Викторовна вдруг схватила меня за плечи. Я попыталась вырваться: у нее был безумный вид.

— Почему, ПОЧЕМУ ты мне ничего не сказала? Ты виновата во всем!

Я была рада этой ругани. Пусть она выльет на меня всю грязь, мне все равно. Главное сейчас — что Рита выживет. И пусть ее мать ненавидит меня.

— Ты сама не понимаешь, что натворила!

— Если Рита ничего не сказала вам, то я тем более не имела права выдавать ее. Вы бы позволили ей родить?

— Нет, конечно! Сделали бы аборт тихо, без шума. Зачем девке жизнь портить? Добыли бы ей справку... А теперь нашу фамилию везде треплют, я на остановку выйти не могу! Домой пустырями пробираюсь! Ты нас всех в грязь втоптала и еще гордишься собой!

Я не поверила своим ушам:

— Рита могла умереть! Или вам дочь вообще не нужна?!

— Ты поучи меня еще! Вот будут свои дети, вспомнишь меня тогда... От Женьки девушка ушла из-за этой дуры! Ее семья почти в полном составе к нам заявила! Еще и суд будет...

— Что вы тут расшумелись? Здесь больница! — Разгневанная медсестра старательно дожевывала что-то. Я оторвала от себя цепкие руки и пошла к выходу.

* * *

24 февраля.

Боже, позволь мне не сойти с ума... Хотя, как это ни странно, я в какой-то степени понимаю ее мать. Когда на твою дочь показывают пальцами и смеются за спиной, а некоторые и в лицо... Ужас.

Вчера Риту выписали, и я вывела ее погулять. Наша вахтерша, Антонина Сергеевна, прошипела ей вслед что-то вроде «шалаша». Я хотела ответить, но Рита покачала головой и утащила меня на скамейку. Она сказала, что не вернется в школу, а потом заплакала. В первый раз после того дня...

Я не могу ее бросить. Ее теперь ненавидят все, кому не лень. Даже тетя Люба мигом увела Саньку домой, хотя он и просился погулять с нами. Почему-то никто не думает, что подобное могло произойти и с ними или с их детьми. Никого не волнует, почему так поступила. Все видят только благополучную семью: папу, маму, дембеля-сыночка и лапочку-дочку. Трудно заметить момент, с которого все начинает расплываться, как неподшитая льняная ткань, и очень скоро остаются только торчащие нити, обрывки чьих-нибудь жизней.

Кроме одного раза

— Пиши мне почаще... Я никогда тебя не бросила бы...

— Ничего, — я улыбнулась через силу. Не хватало только еще больше расстроить Риту. — «Контакт» рулит!

Подруга засмеялась. Раннемартовский ветер развеивал ее кудри, сушил слезинки...

— Есть ли еще там «Контакт»?!

«Пассажирский поезд триста семьдесят шестой «Москва — Воркута» отправляется с платформы два, третий путь. Нумерация вагонов с головы состава». — Динамики с оглушительным шипением умолкли.

— Рит, топай в вагон. — Женька тащил последнюю сумку.

Мы обнялись. Риту с Женькой провожала только я.

— Все будет хорошо.

— Не обмани меня, Кать. И себя.

Рита долго высовывалась в окно. Потом поезд изогнулся, закрыв ее от меня...

Я еще долго стояла на платформе. Как она будет жить на новом месте? После выписки дочери Галина Викторовна провела высоконравственную беседу в присутствии всей семьи. Про возвращение в школу и речи не шло.

Мобильник затрещал, требуя хозяйского внимания.

— Алло? Слушаю.

— Кать, это ты? — Голос показался знакомым.

— Валера?

— Да, я тут подумал... Может, сходим куда-нибудь? Посидим — неделю уже не виделись.

Идти никуда не хотелось. Просто бы сесть и подумать о своем... А вдруг обидится?

— Катя? Алло!

— Да, хорошо, конечно...

— Через полчаса у Акифа тебя устроит?

— Поторопись, я в двух шагах.

Я шла по тротуару, чувствуя, как замерзают промокшие ноги. Мимо ехали миниатюрные грузовики, заполненные грязным снегом. Работали день и ночь, увозя последние остатки зимней детской радости. Навстречу топала Викина компания, почему-то без королевы. Я поравнялась с Иркочкой и плюнула ей под ноги, заставив с писком шарахнуться к стене дома. Ее красивые бежевые сапоги оказались в мутном миксе из песка и снега. Этот отчаянный рывок котенка в декабре показался мне знакомым... Ирка почти по стене выбралась из лужи, испуганно глядя на меня.

В кафе мы сидели молча. Тишину прерывала только трескотня Акифа. Хлопотливый шумный грузин заполнил собой пустоту между нами.

Сквозь пар над чашкой чая с «апэлисином» я наблюдала за Валерой.

— Ты похож на снайпера. Как будто в прицел смотришь.

— Хм-м, тебе виднее. Я хотел поговорить... о... Рите. Как она?

— Уехала. А что?

— Просто так. Как ты теперь будешь?

— Так же. Только одна.

— Ну да.

Чай стал горьким.

— Мне пора.

* * *

9 марта.

Я не понимаю тебя. Ты стараешься делать вид, что тебя интересует моя жизнь, мои друзья, мои проблемы. Ты не умеешь притворяться. Тогда зачем ты рядом? Валер, ты выбрал меня, когда я уже отчаялась. Ты за две минуты вернул меня к жизни. По крайней мере, я так думала... Вернулся бы к Вике... Для нее ты — счастье.

Для меня тоже... на расстоянии.

* * *

— Это Вика Горская. Можно Катю?

— Это я.

— Не узнала... У меня остался Ритин дневник. Заберешь?

— Да. Завтра принеси в школу. — Я положила трубку.

Тонкая сигарета в пальцах мамы чуть подрагивала.

— На днях придет Валерий. Он хочет пообщаться с тобой.

— Я тебе ясно сказала, что не хочу с ним видеться. Это твое дело.

— Ты почему такая эгоистка? — В уголках маминого рта углубились морщинки, губы сжались.

— Что воспитала, то и выросло, — меланхолично выдала я привычную фразу. — Мне плевать на него.

— И на меня, — тихо сказала мама, — на меня тебе, видно, тоже плевать...

Мне стало противно.

— Я не просила меня рожать. Или могла бы отказаться от меня. Делай выводы.

Мама загородила мне выход.

— И дай пройти.

— Сядь! — Что-то в голосе мамы заставило меня подчиниться, хотя внутренний протест едва не разорвал меня на части. Мама прикурила следующую сигарету и повернулась ко мне. На серо-жемчужных глазах блестели слезы.

— Я всегда слушала свою маму... Кроме одного раза... когда она уговаривала меня сделать аборт. Я отказалась.

— Что?..

— Она говорила мне, что у меня вся жизнь под откос пойдет из-за твоего папашки-козла, что меня с выродком никто замуж не возьмет, еще что-то... Она была права, как ты думаешь? Я всю жизнь посвятила тебе, и что я слышу? «Делай выводы»! Шестнадцатилетняя девчонка будет учить меня, как жить!

— Даже это не дает тебе права распоряжаться мной. И если ты считаешь иначе, значит, я для тебя только приятное напоминание о собственной самоотверженности.

— Ты думаешь? — Мама не скрывала слез. Я тоже.

* * *

11 марта.

Я вчера хотела сжечь эту тетрадку.

Мать теперь чужая для меня. Не хватает только физрука в семью для полного счастья. Как тяжело притворяться перед всеми. Жить по-прежнему, когда все, что ты любила, сметает чья-нибудь прихоть.

Мама рассказала мне о своем выборе «в пользу меня». Она что, надеялась на благодарность?! Я ответила ей, что если бы она послушалась бабушку тогда, то сделала бы самое доброе дело в жизни. По крайней мере, по отношению ко мне.

Вика сегодня так мирно поговорила со мной. Может, она не такая уж плохая?

И Риты теперь нет.

* * *

Серые липы и одинокая мокрая скамейка. На школьном дворе галдели только грязные грачи.

Я пришла в класс первая и теперь наблюдала через окно за злобными черными птицами, клюющими друг друга за какой-то кусок.

«А ведь они похожи на вас. Вон тот, крикливый, с куцым хвостом, — Вика, у которого грудь колесом — Игорь, робкий — Рита... А вон ты сидишь, унылая, вдалеке от остальных...»

Кто это сказал?!

Скрипнула дверь. Я судорожно вздохнула.

— Кать, привет! — Игорь деловито прошуршал через весь класс на свою «камчатку». Грохнул на парту рюкзак и подошел ко мне. — Я тебя напугал?

Я едва придержала язык. Мало ли что...

— Не выпалась. — Игорь хохотнул. Дурак.

— Вчера вас не было, красавица, а мы про вас помни-им. — И, обняв меня за плечи, принялся вертеть вправо-влево. — И скучае-ем. Ритка уехала?

— Да.

— Наше подличество вчера попросило меня отнести тебе дневник, но я ее послал.

Пришел бы хоть кто-нибудь... хоть Вика! Лишь бы он отстал...

— Молодец.

— Ты знаешь, я вчера познакомился с такими ребятами! Они крутые! Знаешь, наверно, Гвоздь, Тень, Стигмата...

— С ума сошел? Они же психи, готы!

— Ничего не психи, — оскорбился Игорь, отодвигаясь. — Просто их никто не понимает.

— А ты понял, значит?

— Понял. Это все врут, что они червей по кладбищам едят.

— А они там елки новогодние наряжают, да?

— Музыка слушают, Библию обсуждают. И вообще, говорят о жизни.

— И смерти.

— Это философия, — воздел большой палец Игорь. — Я к ним хочу.

— Попросись.

— Я попросился. Они сказали, что сначала я пройду церемонию посвящения...

Дверь едва не слетела с петель, и в класс ворвались, размахивая сумками и рюкзаками, «отбросы». Следом, как на пионерском параде, парочками, «элита». Поздороваться со мной каждый, видимо, считал залогом немедленного получения миллиарда евро. Что это с ними?

Вика взгромоздилась на свою парту. Конфетные ногти так и сверкали. Прокашлялась. Я насторожилась: «Подличество», как окрестил ее Игорь, просто сияло.

— Катя, милая Катя... Как дела?

В классе вдруг стало тихо.

Мысли завертелись, как молочный коктейль в блендере.

— Тебе-то что?

— Да так... Интересно. Как личная жизнь?

Он вернулся к ней? Странно, я не умерла на месте. Но как больно...

— Отлично, — нельзя показывать слабость, — тебе так же желаю.

Вика закрыла рот на пару секунд.

Проглоти и перевари. А я посмотрю, как ты побежишь звонить ему, и крикну на весь коридор: «Передай привет и поцелуй от меня!»

— Спаси-ибо. У твоей мамы все тоже хорошо, я смотрю... — Присные заржали. — Тоже парень, да какой... Красавец, молодой... И такой заботливый и нежный, цветы вчера купил... Тюльпаны!

Я пошла на свое место. Не хватало с ней разговаривать.

— Интересно, как вы жить будете, — она закатила глаза, — с одним мужем на двоих...

— Ты что сейчас сказала? — прошептала я, пытаясь обуздать прыгающую челюсть. —

Повтори...

— А что? — невинно приподнялись тонкие брови. — Не знала? Он же познакомился с тобой ради нее. И все равно скоро бросит вас обеих. Она уже старая для него, а ты... Кому ты нужна, гадкий утенок?!

Гадкий утенок...

«Ты забыла сказку? Он же превратился...»

«Не превратился, — шепнул кто-то. — В твоей сказке не превратился!»

Вика улыбалась.

Я, подняв голову, вышла из класса. Меня не остановил даже Игорь.

* * *

Рита, милая, привет. Мне очень не хватает тебя. Знаешь, я часто вспоминаю наше общее детство. Пишу тебе, сидя на нашей любимой «тарзанке» в парке. Зад болит от резиновой седушки-петли, как после трех часов непрерывного катания. Помнишь, как однажды ты раскачала меня, а тебя кто-то позвал, и ты отвернулась? А через секунду улетела кувырком, когда я врезалась в тебя спиной.

Сегодня я прошла по «нашим» местам. Набережная, парк, детская площадка в соседнем дворе, свалка арматуры, древняя недостройка, правда, без кучи песка, с которой мы летали на санках... Зимой песок растащили на посыпку дорог. Теперь я, возможно, ношу его частицы на своих паленых «каamelотах»...

Я перечитала написанное. Стало противно. Надо, надо...

...Мы всегда пытаемся отгородиться от чего-то неприятного. Ставим перегородки, как в японских домиках, которые мы видели в «Мемуарах гейши». Но когда за этой ширмой зажигается лампа, Страх становится почти материальным... Я закрылась от жизни, не видя или не желая видеть ее. А она легко ударила меня ножом через рисовую бумагу и потекла дальше.

Я люблю Валеру. Вика тоже. А Валера с моей мамой любят друг друга.

Я завидую Вике. Ей, видимо, все равно, с кем он будет, лишь бы не со мной. А мне?!

Мама...

— ... он мой, слышишь, мой!

— Катя, — мама держалась за сердце, — девочка моя, послушай...

— Я так давно люблю его, а ты... Ты же не знаешь...

... предала меня. Они давно вместе, а я, я наивная. Ничего не замечала. Или не хотела? Нет, не так. Просто я не ожидала удара именно от нее.

Мое состояние сейчас примерно как в детстве, когда, балансируя эскимо в одной руке и держась другой за маму, я пыталась пройти по бордюру в сквере. Она отпустила мою руку, и мороженко, медленно, очень медленно вращаясь, упало на тротуар...

Она говорила, что у человека есть три пути: терпеть, бороться или уйти.

Я не прошла ни первый, ни второй. И смириться не смогла, и решающей схватки не выдержала. Остался третий, и это не поезд номер 141 до Калуги. Не как у тебя.

Мама не знает...

— ... чего я хочу, о чем мечтаю! Ты никогда меня не понимала...

— Милая, давай уедем! Обещаю, я расстанусь с ним. Мы соберем вещи прямо сейчас, я даже не буду ему звонить! Я хочу, чтоб ты была счастлива, я все сделаю...

... где я. И пусть. Она чуть не заставила меня остаться. Сама недавно говорила, что я у нее в долгу за то, что дышу и живу. Она подарила мне почти семнадцать лет унижений.

Не хочу доставлять Вике радость издеваться надо мной. Пусть королева ищет другого Арлекина. А я Пьеро.

С любовью, Катя.

P.S. Я люблю ландыши.

Последние слова пришлось обводить дважды: в ручке закончилась паста. Я выкинула ее в последний нерастаивший сугробик, заклеила конверт.

* * *

— Отойти всем, немедленно! — Толстый дядька в серой форме орал в мегафон, толпа бесновалась...

Пожарные сновали далеко внизу прямо под моими ногами, и я гадала, сколько капель с моих ботинок и мороженого упало им на каски. Посчитать людей внизу не получалось, они без конца сновали от милиционеров, как кусочки фруктов в «Даноне» от ложки.

Теть Люба с Санькой... Наверно, он опять болеет. И Ольга Игоревна откуда-то взялась. Хорошие у меня линзы, все видно...

— Катю-уша, спускайся-а! Пожалуйста! Мать пожалей!

Я бросила вниз палочку от эскимо. Как она долго летит... Интересно, Игоря уже посвятили в братство готов?

Заскрипел чердачный люк, показалась голова какого-то мужчины в темно-сером пальто.

— Привет, Катюш. Зачем ты здесь?

— Идите отсюда.

— Подожди! — Он поднял руки, как бы сдаваясь, и отступил на пару шагов. Я ослабила руки, готовые сбросить меня с кромки. — Не делай глупостей. Ты всегда успеешь прыгнуть и покончить со всем. Только, знаешь, в момент падения ты можешь передумать.

«Чего он хочет?» — Я ощутила ярость.

— Убирайтесь, а то... — Я придвинулась еще ближе к краю.

Внизу истерически закричала женщина.

— Как скажешь, но все же подумай...

— Люк за собой закройте.

Ушел. Черт, тент натягивают...

«Конечно, ты не передумаешь. Пусть хоть эти любопытные внизу увидят, как ты впервые в жизни полетишь...»

Он был прав, этот голос.

— Катя! — Я вздрогнула. — Можно, я поднимусь к тебе?

Он выбрался вперед. Что-то сказал спасателям.

— Поднимайся один!

Запыхавшийся и грустный, он сел на край крыши шагах в пяти от меня.

— Почему ты не с мамой?

Он не удивился моему вопросу.

— Я люблю ее, она меня. Я не знал, что ты... Сейчас прошу тебя об одном...

— Я не пойду с тобой. Вдвоем вы будете счастливее.

— Твоя мама позвонила минут десять назад. Сказала, что все кончено. Я пошел к ней, но...

— Решил по пути спасти меня? Не жди «спасибо».

— Не жду, — улыбнулся он.

— Как же я люблю тебя...